

Артур Конан Дойль. Маракотова бездна

ПРОЛОГ

Так как эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении паровой яхты "Стратфорд", которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения жизни морских бездн. Организовал экспедицию Маракот, доктор географических наук, знаменитый автор "Ложнокоралловых формаций" и "Морфологии пластинчатожаберных". Доктора Маракота сопровождал мистер Сайрес Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Судно вел капитан Хови, опытный моряк. Команда состояла из двадцати трех человек, в их числе американец - механик с завода Мерибэнкс в Филадельфии.

Все они - и команда и пассажиры - исчезли без следа, и единственным воспоминанием о "Стратфорде" было донесение одного норвежского барка, который встретил корабль, вполне подходивший к приметам погибшего судна, и видел, как он пошел ко дну во время сильной бури осенью 1926 года. Позже, по соседству с местом, где разыгралась трагедия, был найден спасательный ялик с надписью "Стратфорд"; там же плавали решетки, сорванные с палубы, спасательный буюк и части спардека. Все это вместе с отсутствием каких-либо сведений о корабле создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о нем, ни о его команде. Еще больше подтвердила эту уверенность случайно перехваченная в то время странная радиограмма, не совсем понятная, но не оставляющая сомнений в трагической судьбе парохода. Текст радиограммы я приведу позже.

В свое время в подготовке экспедиции были отмечены некоторые особенности. Прежде всего необычайная таинственность, которой окружил экспедицию профессор Маракот. Он был известен как ярый враг всякой гласности, враг газетной шумихи, и эта его черта особенно ярко проявилась в том, что он отказался давать интервью и не допустил представителей печати на судно, когда "Стратфорд" еще стоял в доке Альберта. За границей ходили слухи об установленных на корабле новых оригинальных приспособлениях, предназначенных для исследования жизни на больших глубинах, и эти слухи были подтверждены правлением завода "Хэнтер и Компания" в Вест-Хартлпуле, где конструировались и строились эти аппараты. Утверждали, что все днище корабля может отделяться, и это обстоятельство привлекло особое внимание страховой компании, которую с большим трудом удалось успокоить.

Вскоре обо всем этом забыли, но теперь, когда новое неожиданное обстоятельство заставило всех вспомнить о судьбе исчезнувшей экспедиции, это приобрело особый интерес.

Таковы обстоятельства, сопровождавшие отплытие "Стратфорда". В настоящее время существуют четыре документа, относящиеся к этой экспедиции.

Первый из них - письмо, написанное мистером Сайресом Хедли из Санта-Крус, столицы Больших Канарских островов, его другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского Тринити-колледжа, которое было отправлено во время единственного известного нам после отплытия пребывания "Стратфорда" в гавани.

Второй - странный призыв по радио, о котором я упоминал. Третий - та часть судового дневника "Арабеллы Ноулз", где говорится о стеклянном шаре. Четвертый, и последний, - удивительное содержание шара, которое является либо злой и непонятной мистификацией, либо открывает новую главу человеческих достижений, важность и значение которых трудно преувеличить. Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в мое распоряжение сэром Джеймсом Толботом и до сего времени еще не опубликованное. Оно датировано 1 октября 1926 года.

"Посылаю вам это письмо, дорогой Толбот, из Санта-Крус, где мы остановились на отдых на несколько дней. На корабле почти все время я проводил с Биллом Сканлэном, главным механиком; он мой земляк, у него удивительно общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. Но нынче утром я один: он отправился на берег, у него, как он выражается, "свидание с девчонкой". Разговаривает он именно так, как, по мнению англичанина, должны разговаривать настоящие американцы.

Вы встречали Маракота и знаете, какой он сухарь. Я вам, кажется, рассказывал, как он пригласил меня к себе работать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервиллю из Зоологического института. Сомервиль послал ему мою премированную работу о морских крабах, и это решило дело. Разумеется, великолепно, когда можно работать по специальности, но я предпочел бы сотрудничать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так стремится к уединению, так поглощен своим делом, что в этом есть что-то нечеловеческое. "Самый черствый сухарь на свете", - выразился про него Билл Сканлэн. И, однако, нельзя не преклоняться перед таким ученым. Для него ничего не существует, кроме его науки. Помню, как вы смеялись, когда я попросил его порекомендовать мне литературу для подготовки к плаванию, а он ответил, что в качестве серьезного пособия следует прочесть полное собрание его сочинений, а в качестве легкого чтения - геккелевские "Планктонные работы".

Я знаю его сейчас не ближе, чем тогда, в маленькой приемной с видом на Оксфорд-Хэй. Он ничего не говорит, и его худощавое, суровое лицо - лицо Савонаролы [Савонарола - итальянский проповедник-реформатор XV века, изобличавший распущенность духовенства] или, вернее, Торквемады [Торквемада - глава испанской инквизиции (XV в.)] - никогда не озаряется улыбкой. Длинный, тонкий, выдающийся вперед нос, близко посаженные, маленькие, серые, сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щеки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни, - вся его внешность не располагает к сближению. Он витает всегда где-то на вершинах мысли, вне пределов, достигаемых обыкновенными смертными. Временами мне кажется, что он не

вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат... Но буду рассказывать по порядку, а вы уж сами разберетесь.

Итак, о начале нашего плавания. "Стратфорд" - превосходная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями: мощные паровые лебедки, ворота для траления, а также множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью новых; комфортабельные каюты и прекрасную лабораторию, оборудованную специально для наших исследований.

Еще до отплытия "Стратфорд" приобрел репутацию загадочного корабля, и вскоре я понял, что эти слухи имели под собой почву. Начало нашего плавания было в достаточной степени обыкновенно. Мы направились в Северное море, раза два забрасывали тралы, но так как там глубина редко превышает восемнадцать метров, а наш корабль оборудован специально для глубоководных работ, это, в сущности, было пустой тратой времени. Во всяком случае, кроме обычных видов рыб, идущих в пищу, каракатиц, слизняков и проб со дна морского, состоящих из аллювиальной глины, мы не вытащили ничего примечательного. Потом мы обогнули Шотландию, прошли вблизи островов Фаро и добрались до рифа Вивилль-Томсон, где добыча была несколько интереснее. Затем мы направились к югу, к конечному пункту нашего путешествия, расположенному между Африкой и Канарскими островами. Однажды безлунной ночью мы чуть не сели на мель, в остальном же плавание наше протекало без всяких событий.

В эти первые недели я пытался сойтись поближе с Маракотом, но это оказалось делом нелегким. Начать с того, что доктор - самый рассеянный и самоуглубленный человек на свете. Помните, как он дал мальчику-лифтеру пенни, полагая, что сел в трамвай. Полдня он проводит в размышлениях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Кроме того, он невероятно скрытен. Он целыми днями просиживает над бумагами и картами, но стоит мне войти в каюту, и он тут же их прячет. Я твердо уверен, что он что-то замыслил, но до тех пор, пока мы вынуждены проходить

вблизи портов, не откроет нам свои планы. Таково мое впечатление, и вскоре я узнал, что Билл Сканлэн держится того же мнения.

- Слушайте, мистер Хедли, - сказал он как-то вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя результаты наших первых уловов, - как вы думаете, что на уме у нашего старика? Как по-вашему, что он такое затевает?

- Полагаю, - ответил я, - что мы займемся тем же, чем занимался до нас "Челленджер" и добрая дюжина других океанографических экспедиций, - откроем несколько новых разновидностей рыб, нанесем несколько новых данных на гидрометрические карты.

- Ничего подобного, - возразил Сканлэн. - Начинайте-ка гадать сначала. Ну, например, я-то здесь на что?

- Ну, на случай, если испортятся машины.

- Как бы не так! Какие там машины! Машина "Стратфорда" на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибэнкские ребята посылали лучшего своего механика, чтобы он чинил эти дурацкие керосинки. Недаром же мне гонят полсотни долларов в неделю. Шагайте за мной, я вас просвещу на этот счет.

Он вытащил ключ, отпер дверь позади лаборатории и повел меня по двойной лестнице в отделение трюма, где было почти пусто; только четыре какие-то крупные машинные части поблескивали в массивных ящиках, упакованные в солому. Это были гладкие стальные плиты, снабженные по краям болтами и задвижками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма полтора, с круглым отверстием в середине дюймов восемнадцати диаметром.

- Что это за чертовщина? - спросил я.

Забавная физиономия Билла Сканлэна - у него лицо не то опереточного комика, не то боксера - расплылась в улыбке.

- Это мой малютка, сэр, - заявил он. - Да, мистер Хедли, из-за него-то я здесь и нахожусь. К этой штуке есть еще такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Потом есть еще крышка вроде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище яхты.

Я увидел квадратную деревянную платформу с винтами по углам. Это

доказывало, что платформу можно сдвигать с места.

- Двойное дно, - подтвердил Сканлэн. - Вполне возможно, что наш хозяин спятил, а может, он соображает гораздо лучше, чем мы думаем, но, если только я его раскусил, он хочет соорудить нечто вроде водолазного колокола - окна вот здесь, запакованы отдельно - и спустить его вниз через дно яхты. Вот электрические прожекторы, и, я так думаю, он хочет осветить пространство вокруг стальной кабинки и через круглые амбразуры наблюдать, что кругом творится.

- Будь это так, проще было бы устроить на корабле прозрачное дно, - сказал я.

- Это вы верно смекнули, - согласился Билл Сканлэн и поскреб затылок. - Вот я и не могу никак сообразить, в чем тут дело. Знаю только, что меня отрядили к нему помогать собирать эту дурацкую штуку. Пока он ничего еще не говорил, я тоже молчу, но все принимаю, и, ежели он еще долго будет молчать, я и сам все узнаю.

Так я впервые соприкоснулся с нашей тайной. Погода сильно испортилась, но мы производили глубоководное траление юго-западнее мыса Юба, отмечая температуру и исследуя степень насыщенности морской воды солью. Глубоководное траление петерсоновским тралом - занятие увлекательное, он захватывает сразу три метра в ширину и загребают все, что встречает на пути; опускаясь на глубину в четверть мили, он приносит одни породы рыб, с глубины в полмили - совсем другие: в разных слоях океана, как на разных материках, свои обитатели. Иногда с самого дна мы вытаскивали полтонны чистой розоватой слизи, этого сырого материала будущей жизни. Иногда это бывал ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделенных между собой прослойками аморфной грязи. Я не стану перечислять вам всех этих бротулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что дары океана неистощимы, и мы усердно их собирали. И все время я не мог избавиться от ощущения, что не за тем привез нас сюда Маракот, что в этом сухом, узком черепе египетской мумии скрываются другие планы. Мне казалось, что это лишь репетиция, проба людей и аппаратов, за которой начинается настоящее

дело.

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег пройтись, ибо завтра рано утром мы отплываем. Я оказался на пристани весьма кстати, потому что разыгрался серьезный скандал, причем в главных ролях выступали Маракот и Билл Сканлэн. Билл - известный задира, и, по его выражению, у него часто кулаки чешутся, но когда вокруг столпилось полдюжины испанцев, и все с ножами, положение моих спутников стало незавидным; было самое время вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые здесь называют пролетками, объехал пол-острова, обследуя его геологические особенности, но совершенно забыл, что не захватил с собой денег. Когда пришло время платить, он никак не мог объяснить туземцам, что у него нет при себе денег, и извозчик стал отнимать у него часы. Тут за него вступился Билл Сканлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дела, дав доллар извозчику и пять долларов парню с подбитым глазом. Все сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружились человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и поблагодарил за вмешательство.

- Да, кстати, мистер Хедли, - заметил он. - Насколько мне известно, вы не женаты?

- Нет, - ответил я.

- И на вашем попечении нет никого из близких?

- Нет.

- Прекрасно, - сказал он. - Я молчал пока о своих намерениях, у меня были причины держать их в тайне. Прежде всего я боялся, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие - как Амундсен осуществил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранил свое намерение в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Мой замысел так же смел и велик, потому я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к его осуществлению, и никакой соперник не успеет опередить меня. Завтра мы поплывем к нашей настоящей цели.

- Какая же это цель? - спросил я.

Он весь подался вперед, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

- Наша цель, - сказал он, - дно Атлантического океана!

Здесь я должен остановиться, ибо думаю, что у вас, как и у меня, захватило дыхание. Будь я писателем, тут бы я, наверно, и закончил свой рассказ. Но так как я всего лишь летописец, то могу добавить, что пробыл еще час в каюте Маракота и узнал много подробностей, которые успею передать вам, пока не отчалит последняя береговая шлюпка.

- Да, молодой человек! - сказал он. - Теперь вы можете писать что угодно. Когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже нырнем.

Он усмехнулся. Он был не лишен некоторого суховатого юмора.

- Да, сэр, "нырнем". Это - самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок войдет в историю науки. Я твердо убежден, что ходячее мнение об огромной давлении океана на больших глубинах лишено оснований. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие, хотя пока я еще не сумею сказать, какие. Именно это одна из тех задач, которые мы должны решить. Как вы полагаете, каково давление воды на глубине одной мили?

Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

- Не менее одной тонны на квадратный дюйм, - ответил я. - Это доказано.

- Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите-ка мозгами, молодой человек! Весь последний месяц вы вылавливали самые нежные глубоководные формы жизни - существа столь нежные, что вам еле-еле удавалось перенести их из сетки в банку, не повредив их чувствительных покровов. Что же, это подтверждает существование чрезвычайного давления?

- Давление уравнивалось, - ответил я. - Оно одинаково изнутри и снаружи.

- Пустые слова! - крикнул Маракот, нетерпеливо дернув головой. - Вы вытаскивали круглых рыб, как, например, *gastrostomus globulus*. Разве их не расплющило бы в лепешку, если бы давление было таково, как вы полагаете?

Или же посмотрите на наши глубинные тралы. Ведь они не сплющиваются даже

на самых больших глубинах.

- Но опыт водолазов...

- Конечно, его следует учитывать. Они действительно замечают увеличение давления, испытывая его действие на самый, пожалуй, чувствительный орган тела - на внутреннее ухо [у млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода, среднее ухо, или барабанную полость, и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами и улиткой; внутреннее ухо содержит в себе окончание слухового нерва]. Но, по моим предположениям, мы совершенно не будем подвергаться давлению. Нас опустят вниз в стальной клетке с толстыми хрустальными окнами для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закаленной двухромникелевой стали, оно не повредит нам. Мы продолжим эксперимент братьев Вильямсон в Насау, с которым вы, наверно, знакомы. Если мой расчет ошибочен - ну что ж, вы говорите, от вас никто не зависит... Мы умрем во время великого опыта. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось, что это самый безумный из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказаться от вызова. Я решил оттянуть время для решения.

- На какую глубину вы намерены опуститься, сэр? - спросил я.

Над его столом была приколата карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

- В прошлом году я зондировал эти места, - сказал он. - Там есть очень глубокая впадина. Семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, в будущем вы найдете ее на картах под названием "Маракотова бездна".

- Неужто вы собираетесь спуститься в эту бездну, сэр? - воскликнул я.

- Нет, нет, - с улыбкой ответил Маракот. - Ни наша спускная цепь, ни трубки для воздуха не достигают больше полумили! Но я хотел объяснить вам, что вокруг этой глубокой впадины, которая, несомненно, была образована вулканическими силами, находится приподнятый хребет или узкое плато,

которое лежит на глубине трехсот фатомов [фатом - 1,82 м].

- Трехсот фатомов? Треть мили! - воскликнул я.

- Да, примерно треть мили. Я хочу, чтобы нас спустили в маленькой наблюдательной кабинке именно на это плато. Там мы сделаем все возможные наблюдения. С судном нас будет соединять разговорная трубка, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений. Когда захотим, чтобы нас подняли, достаточно будет лишь сказать в трубку.

- А воздух?

- Будет накачиваться к нам вниз.

- Но ведь там будет совершенно темно!

- Боюсь, что да. Опыты Фоля и Сарасэна на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но какое это имеет значение? Мы будем снабжены мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами Хэллесена, соединенными между собой, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Вместе с сигнальной лампой Лукаса военного образца в качестве подвижного рефлектора нам этого вполне хватит. Что еще вас смущает?

- А если наши воздушные трубки запутаются?

- Не запутаются! А на всякий случай у нас есть сжатый воздух, которого нам хватит на сутки. Ну как, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы?

- спросил Маракот.

Решение предстояло нелегкое. Мозг мой быстро работал, а воображение - еще того быстрее. Я уже явственно представлял себе этот черный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спертый воздух, видел, как гнутся стены камеры, как вода разрывает их в местах скрепления и проникает во все щели и трещины, которые все расширяются... Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял взгляд: огненные глаза старика были устремлены на меня, и в них светилось воодушевление мученика науки. Энтузиазм такого рода заразителен, и если это - безумие, то по крайней мере благородное и бескорыстное. Пламя его перекинулось на меня, я вскочил и протянул ему руку.

- Доктор, я с вами до конца! - воскликнул я.

- Я так и знал, - ответил он. - Я вас выбирал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, - улыбаясь, добавил он, - а также и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые могут оказаться для нас куда важнее. Это верность и мужество.

Поймав меня таким образом на кусок сахара, он отпустил меня. И все мои планы на будущее рассыпались в прах. Ну, вот сейчас отвалит последняя береговая шлюпка! Спрашивают, нет ли писем на берег. Вы или никогда уже больше не услышите обо мне, мой дорогой Толбот, или получите письмо, стоящее того, чтобы его прочесть. Если от меня не будет вестей, можете зафрахтовать плавучий надгробный памятник и прикрепить его на якорь где-нибудь южнее Канарских островов, написав на нем:

"Здесь или где-либо поблизости покоится все, что оставили рыбы от моего друга Сайреса Дж.Хедли".

Второй документ - неразборчивая радиограмма, которую уловили разные суда, в том числе и почтовый пароход "Аройя". Она была принята в три часа дня 3 октября 1926 года, и это доказывает, что она была отправлена всего через два дня после отплытия "Стратфорда" с Больших Канарских островов, что подтверждается и письмом Хедли. Это приблизительно совпадает с тем временем, когда норвежское судно видело гибнущую в циклоне яхту в двухстах милях к юго-западу от порта Санта-Крус.

Радиограмма гласила:

"Лежим на боку. Положение безнадежное. Только что потеряли Маракота, Хедли, Сканлэна.

Местоположение непонятно. Носовой платок Хедли на конце глубоководного лота. Господь да поможет нам...

Яхта "Стратфорд".

Это было то последнее непонятное сообщение, которое дошло со злополучного судна, и конец радиограммы был такой странный, что его сочли бредом радиотелеграфиста. Однако сама радиограмма, казалось, не оставляла сомнения относительно судьбы судна.

Объяснение этого случая, если это можно принять в качестве объяснения, следует искать в записках, найденных в стеклянном шаре, и прежде всего я

нахожу нужным расширить появившийся в печати очень краткий отчет о находке этого шара. Я беру его дословно из вахтенного журнала "Арабеллы Ноулз", направлявшейся под командой Амоса Грина с грузом угля из Кардифа в Буэнос-Айрес.

"Среда, 5 января 1927 года. Широта 27°14', западная долгота 28°. Спокойная погода. Голубое небо с низкими перистыми облаками. Море как стекло. Во вторую склянку средней вахты первый помощник доложил, что заметил сверкающий предмет, который выпрыгнул из моря и затем упал обратно. Его первое впечатление было, что это какая-то неизвестная ему рыба, но, посмотрев в подзорную трубу, он увидел, что это серебряный шар, такой легкий, что он не плыл, а скорее лежал на поверхности воды. Меня вызвали, и я увидел шар величиной с футбольный мяч, ярко сверкавший почти в полумиле от нашего судна. Я застопорил машины и послал бот со вторым помощником, который подобрал шар и доставил его на борт.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что шар этот сделан из какого-то очень гибкого стекла и наполнен столь легким газом, что, когда его подбрасывали в воздух, он плавал, как детский воздушный шар. Он был почти прозрачен, и мы разглядели внутри него что-то вроде свертка бумаги. Сделан он был из такого упругого материала, что нам далеко не сразу удалось разбить его и добраться до бумаги. Молоток его не брал, и он разбился, только когда главный механик положил его в машину. К сожалению, он разлетелся в искрящуюся пыль, так что нам не удалось найти ни кусочка, чтобы установить, из чего же он был сделан. Однако бумага осталась цела, и, прочитав ее, мы заключили, что она имеет большое значение, и решили вручить ее британскому консулу, как только достигнем Ла-Платы. Вот уже тридцать пять лет я плаваю на судах, но с такой загадочной историей я столкнулся впервые; то же говорят все, кто находится сейчас на борту. Предоставляю разбираться в этом людям поумней меня".

Вот все, что мы знаем о том, откуда взялись записки Сайреса Дж.Хедли, которые мы сейчас приведем без малейших искажений.

"Кому я пишу? Смело могу сказать: всему миру, - но так как это адрес весьма неточный, то укажу определеннее: моему другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского университета, хотя бы потому, что последнее мое письмо было адресовано ему, а это можно рассматривать как продолжение. Я готов к тому, что если даже шар увидит свет солнца и не будет проглочен акулой, есть лишь один шанс из тысячи, что среди бесконечных водных пространств он попадет на глаза человеку. Но все же попробовать стоит, да и Маракот тоже посылает шар, так что вполне возможно, что рассказ о наших удивительных приключениях станет известен миру. Поверят ли нам - это, я полагаю, уже другой вопрос, но когда люди увидят прозрачный шар, наполненный неведомым им газом, надеюсь, они поймут, что внутри находится нечто не совсем обыкновенное. Во всяком случае, вы, Толбот, не бросите мои заметки, не прочтя их.

Если кто-нибудь захочет узнать, как все это началось и что мы собирались сделать, он сможет найти все эти сведения в письме, которое я вам писал 1 октября прошлого года, в день нашего отплытия из Санта-Крус. Знай я наперед, что нам придется пережить, я бы прыгнул в последнюю отходящую лодку! А впрочем, наверно, даже зная, что нас ожидает, я все же принял бы предложение доктора Маракота и прошел бы через все до конца. Да, я даже уверен в этом: я все равно не отказался бы.

Итак, я начинаю рассказ с того дня, как мы отплыли из Санта-Крус. Едва мы вышли из гавани, старик Маракот преобразился. Наконец-то наступило время действовать, и вся его энергия, так долго лежавшая под спудом, вырвалась наружу. Уверяю вас, он сразу забрал всю власть на яхте, подчинив себе и заставив склониться перед своей волей все и всех. Сухой, рассеянный ворчун ученый внезапно исчез, уступив место воплощению мощной динамомшины, пышущей энергией и потрескивающей от напора громадной скрытой силы. Его глаза сверкали из-за стекол очков, как прожекторы. Он,

казалось, находился сразу везде и всюду, отмечая наше направление на карте, препираясь с капитаном, командуя Биллом Сканлэном, давая мне множество разных поручений, и при этом во всех его действиях была система, все они вели к одной цели. Он неожиданно обнаружил солидные познания в электричестве и механике и большую часть времени проводил у машины, которую Сканлэн методично собирал под его непосредственным наблюдением.

- Ну, мистер Хедли, дело идет на лад, - сказал Билл на второе утро. -

Пойдемте ко мне, взгляните на эту диковинную штуку. Доктор, оказывается, великолепный парень и механик первый сорт.

Ощущение у меня было не из приятных: мне казалось, что я осматриваю собственный гроб, но все же, должен признаться, выглядел он весьма впечатляюще. Стальной пол был накрепко приклепан к четырем стальным стенкам, и в каждой было по круглому окну-иллюминатору. В крыше находился небольшой входной трап, второй трап был в полу. Вся кабинка висела на тонком, но невероятно крепком стальном канате, который навертывался на барабан и разматывался или наматывался сильным двигателем, который обычно приводил в действие глубоководные тралы "Стратфорда". Насколько я понял, канат был длиной около полумили, и конец его был закреплен на железных тумбах на палубе. Резиновые трубки для подачи воздуха были такой же длины; с ними вместе тянулся телефонный провод и изолированный кабель, подающий электроэнергию от судовых динамо к нашим прожекторам; кроме них, в стальной каюте стояли на всякий случай запасные аккумуляторы.

К вечеру остановили машины. Барометр показывал низкое давление, и густые черные тучи, застилавшие горизонт, предупреждали о приближении непогоды. Вдали был виден барк под норвежским флагом, и мы рассмотрели, как он зарифлял паруса, готовясь к шторму. Но в ту минуту все было благополучно, и "Стратфорд" мягко покачивался на синих волнах океана, кое-где пенившихся белыми гребешками от пассатного ветра.

Билл Сканлэн заглянул ко мне в лабораторию в несколько более взволнованном состоянии, чем следовало при его спокойном темпераменте.

- Послушайте, мистер Хедли, - сказал он, - они спустили эту ловушку на самое дно трюма. Как по-вашему, неужто хозяин хочет в ней спускаться?

- Именно, Билл! И я с ним вместе.

- Так, так, значит, теперь двое свихнулись. Но я буду себя чувствовать последним негодяем, коли пушу вас одних.

- Да вам-то что там делать, Билл?

- Не меньше, чем вам, сэр! Да я весь пожелтею от зависти, если вы спуститесь без меня. Мерибэнкс послал меня сюда наблюдать за машиной, и если она спускается на дно моря, значит, и мое место на дне моря. Где эта стальная мышеловка, там и Билл Сканлэн, и мне совершенно безразлично, сошли все с ума или нет.

Спорить с ним было бесполезно. Итак, к нашему клубу самоубийц примкнул еще один, и мы стали ждать дальнейших распоряжений.

Вся ночь прошла в интенсивной работе, и утром мы спустились в трюм, готовые к погружению. Стальная кабинка была уже наполовину вставлена в вырез дна "Стратфорда", и мы один за другим спустились в нее через верхний трап, который закрыли за нами и закружили наглухо, после того как капитан Хови с самой похоронной миной пожал нам руки на прощание. Потом кабинку спустили еще на несколько метров, закрыли герметическую камеру и впустили воду, чтобы испытать нашу каюту в воде. Кабинка выдержала испытание прекрасно, каждая часть оказалась точно пригнанной, и никакой течи не наблюдалось. Тогда раздвинулось днище трюма, и мы повисли в океане под самым килем корабля.

Кабинка действительно была очень удобная, и я восхищался продуманностью ее устройства. Электрическое освещение было пока выключено, субтропическое солнце, преломляясь в бутылочно-зеленой воде, бросало в иллюминаторы фантастический мягкий свет. Там и сям мелькали серебряные рыбки, как черточки на зеленом фоне. По стенам кабинки шли диваны, над ними помещался циферблат глубиномера, термометр и другие приборы. Под диванами стояли баллоны со сжатым воздухом на случай, если испортятся проводящие воздух трубки. Концы этих трубок уходили к потолку, а рядом с ними висел телефонный аппарат. Мы услышали траурный голос капитана.

- Вы определенно решили погружаться? - спросил он.

- У нас все в порядке, - нетерпеливо ответил профессор. - Опускайте

медленно, и пусть кто-нибудь все время дежурит у приемника. Я буду сообщать о нашем положении. Когда мы достигнем дна, оставайтесь на месте, пока не получите распоряжений. Я не хочу давать слишком большую нагрузку канату, так что спускайте медленно, со скоростью двух-трех узлов в час. А теперь - вниз!

Последние слова он выкрикнул, как безумный. Это был величайший момент его жизни, плод взлелеянной им мечты. На одно мгновение меня пронзила мысль, что мы находимся во власти ловкого и хитрого маньяка. Билл Сканлэн, видимо, подумал то же; он посмотрел на меня с горестной усмешкой и дотронулся до своего лба. Но после этой единственной дикой вспышки Маракот тотчас же взял себя в руки. В самом деле, достаточно было взглянуть на порядок и предусмотрительность, которые проявлялись в каждой детали вокруг нас, чтобы отбросить опасения за его рассудок.

Теперь все наше внимание было поглощено удивительными новыми ощущениями. Кабинка медленно опускалась в океанические глубины. Светло-зеленая вода превратилась в темно-оливковую. Потом цвет ее сгустился, стал удивительно синим, и этот густо-синий постепенно перешел в темно-пурпурный. Мы опускались все ниже, ниже: тридцать метров, шестьдесят, девяносто... Трубки действовали превосходно. Мы дышали свободно и естественно, как на палубе. Стрелка глубиномера медленно двигалась по светящемуся циферблату. Сто двадцать, сто пятьдесят, сто восемьдесят метров...

- Как вы себя чувствуете? - прорычал тревожный голос сверху.

- Как нельзя лучше! - крикнул в ответ Маракот.

Но свет убывал. Теперь наступили тусклые, серые сумерки, которые быстро превратились в полный мрак.

- Остановитесь! - распорядился Маракот.

Мы перестали двигаться и повисли на глубине двухсот десяти метров ниже поверхности океана. Я услышал щелканье выключателя, и нас залил золотой свет, который выходил сквозь боковые иллюминаторы и посылал длинные мерцающие лучи в окружающие нас водные пустыни. Прильнув лицами к толстому стеклу, каждый у своего иллюминатора, мы увидели зрелище, не виданное еще

ни одним человеком.

До сего времени глубинная жизнь океана была известна только благодаря отдельным рыбам, которые были слишком медлительны, чтобы увернуться от неуклюжего трала, или слишком глупы, чтобы не угодить в невод. Теперь же мы видели удивительный подводный мир таким, каков он есть на самом деле. Океан оказался гораздо населеннее земли. Огромные морские пространства, расстилавшиеся перед нами, не уступали Бродвею в субботу вечером, Ломбард-стрит перед праздничным днем. Мы уже прошли те верхние слои, где рыбы либо бесцветны, либо обладают настоящей морской окраской: ультрамариновой сверху и серебряной снизу. Здесь были создания всевозможной окраски и формы, все, какие только может породить море. Нежные лептоцефалии проносились сквозь тоннель света, как ленточки из серебра. Медленно изгибалась змееобразная мурена - вьюн морских глубин; черный морской еж, в котором только и есть, что колючки да рот, глупо глазел на нас. Порой подплывала каракатица и смотрела на нас человечески-зловещими глазами, мелькала какая-нибудь цистома или глаукус, оживляя всю сцену, подобно цветку. Огромная лошадиная макрель свирепо налетала на иллюминатор, пока не появилась темная тень акулы, - и макрель исчезла в ее раскрывшейся пасти.

Доктор Маракот сидел с записной книжкой на коленях, заносил в нее свои наблюдения и безостановочно бормотал.

- Что это? Что это? - слышал я. - Да, да, "химера мирабилис" Майкла Сарса. Подумать только, а вон там лепидион, но, насколько я могу судить, новый вид. Заметьте этого макруруса, мистер Хедли: его окраска отличается от тех, которые попадают нам в сеть.

Один лишь раз он был застигнут врасплох - когда длинный овальный предмет промелькнул с большой быстротой сверху мимо его окна и оставил позади себя вибрирующий след, тянувшийся, как нитка. Признаюсь, я был озадачен не меньше доктора. Загадку разрешил Билл Сканлэн.

- Сдается мне, этот простак Джон Свинни опустил свой лот рядом с нами. Решил, видно, напомнить нам, что мы не одни.

- Верно, верно! - сказал, улыбаясь, Маракот. - Новый род глубоководной

фауны, мистер Хедли, - с проволочным хвостом и свинцом на носу... Но, конечно, им необходимо производить промеры, чтобы держаться над нашей подводной мелью. Все идет хорошо, капитан! - крикнул он. - Продолжайте спуск!

И мы опять пошли вниз. Маракот выключил электрический свет, и все снова погрузилось в полную темноту, светился лишь фосфоресцирующий циферблат глубиномера, который отмечал наше погружение. Мы чувствовали движение только по легкому покачиванию. И лишь движущаяся по циферблату стрелка с несомненностью показывала нам, в каком ужасающем, в каком непостижимом положении мы находимся. Теперь мы были на глубине трехсот метров, и воздух в кабинке становился спертым. Сканлэн открыл кран вытяжной трубки, и дышать стало легче. Когда стрелка показала четыреста пятьдесят метров, мы остановились и вновь осветили океанскую глубь. Какая-то большая темная масса прошла мимо нас, но мы не могли определить, была ли это меч-рыба, или глубоководная акула, или же какое-нибудь чудовище неизвестной породы. Доктор поспешно выключил свет.

- В этом наша главная опасность! - сказал Маракот. - В глубине водятся такие существа, которым так же легко уничтожить эту бронированную комнату, как носорогу - пчелиный улей.

- Может быть, это киты? - спросил Сканлэн.

- Киты могут забираться на большую глубину, - ответил ученый. - Об одном гренландском ките известно, что он утянул около мили каната перпендикулярно вниз. Но кит уходит так глубоко, только когда он ранен или сильно напуган. Это могла быть гигантская каракатица, они встречаются на любой глубине.

- Ну, каракатица небось слишком мягка. Ей нас не продолбить. Но смеяться-то будет каракатица, если она ухитрится все же сделать дыру в никелированной стали Мерибэнкса.

- Тела их, может быть, и мягки, - ответил профессор, - но клюв большой каракатицы способен продолбить насквозь железный брусок. Один удар этого клюва может просверлить иллюминаторные стекла толщиной в три сантиметра с такой легкостью, словно они сделаны из пергамента.

- Веселенькое дельце! - воскликнул Билл.

Наконец мы почувствовали, что остановились. Толчок был таким легким, что мы узнали об остановке, лишь включив свет и увидев вокруг кабинки покойно свернувшиеся кольца каната. Они представляли опасность для наших воздушных трубок, так-как могли их запутать, и после приказа Маракота канат-подтянули вверх. Циферблат отметил пятьсот сорок метров. Мы неподвижно лежали на вулканическом хребте на дне Атлантики.

2

В то время мы, вероятно, все чувствовали одно и то же. Не хотелось ни двигаться, ни наблюдать. Нам хотелось просто спокойно посидеть и постараться осмыслить происходящее - ведь мы находились в самом центре одного из величайших океанов мира. Но скоро странные видения вокруг кабинки привлекли нас снова к иллюминаторам.

Кабинка опустилась на густые заросли водорослей ("Cutlepia multifidia", - определил их Маракот), желтые плети которых покачивались вокруг нас под давлением глубоководного течения, совсем как ветви деревьев под ветром. Они были не настолько длинны, чтобы закрыть окружающий вид, но огромные листья их цвета темного золота, колыхаясь, проплывали перед иллюминаторами. Под водорослями можно было различить темную вязкую массу грунта, так густо усеянную маленькими разноцветными существами - голотуриями, осундиями, ежами и ехинодермами, как весной в Англии берега рек усеяны первоцветом и гиацинтами. Эти живые цветы морских глубин, то ярко-красные, то темно-пурпурные, то нежно-розовые, сплошь устилали угольно-черное дно. Там и сям из выступов подводных скал вырастали гигантские губки, изредка проносились рыбы, обитатели более верхних слоев воды, мелькая, как разноцветные искры, в лучах наших прожекторов.

Как зачарованные смотрели мы на это феерическое зрелище, когда по

телефону донесся встревоженный голос:

- Ну, как вы себя чувствуете на дне? Все ли благополучно? Не оставайтесь слишком долго: барометр падает, и мне это не нравится. Достаточно вам воздуха? Нужно ли вам что-нибудь?

- Все в порядке, капитан! - весело откликнулся Маракот. - Мы не задержимся. Снабжаете вы нас всем чудесно. Комфортабельно, как в каюте. Распорядитесь потихоньку двигать нас вперед.

Мы вступили в область светящихся рыб и, потушив свет, в абсолютной темноте, где даже светочувствительная пластинка могла бы висеть часами и не запечатлеть ни единого ультрафиолетового лучика, с величайшим интересом наблюдали жизнь фосфоресцирующих обитателей океана. Как будто на фоне черного бархата, медленно проплыли блестящие искорки: казалось, это идет ночью большой пассажирский пароход, выбрасывающий потоки света через иллюминаторы. У некоторых чудищ были светящиеся зубы, пылавшие в полном мраке, у других - длинные золотистые усы, у третьих язычок пламени качался над головой. Повсюду, насколько хватал глаз, мерцали блестящие точки, и каждое животное спешило по своим делам, освещая себе путь, - ну точь-в-точь таксомоторы на Стрэнде в час театрального разъезда.

Потом мы снова зажгли свет, и доктор стал обозревать морское дно.

- Мы опустились на огромную глубину, и все же недостаточно глубоко, чтобы увидеть характерные породы низших слоев океана, - сказал он. - Но ничего не поделаешь. Может быть, в другой раз, с более длинным канатом...

- Типун вам на язык! - взвыл Билл. - Бросьте и думать об этом!

Маракот улыбнулся.

- Ну, вы скоро привыкнете к этим глубинам, Сканлэн. Ведь этот спуск не последний...

- Черт знает что! - возмутился Билл.

- Да, привыкнете, и это вам покажется не опаснее, чем спуститься в трюм "Стратфорда". Вы увидите, мистер Хедли, что дно здесь, насколько мы можем рассмотреть его сквозь плотный слой животных и губок, состоит из пемзы и черного базальта, а это указывает на вулканическое происхождение этого хребта. Пожалуй, это вполне подтверждает мое первоначальное предположение,

и мы действительно находимся над вершиной древнего вулкана, а Маракотова бездна, - он произнес эти слова с явным удовольствием, - не что иное, как его внешний склон. Мне пришло в голову - и это будет весьма любопытно - медленно двигать нашу кабинку до края бездны и посмотреть, какая там геологическая формация. Я надеюсь увидеть обрыв невероятной глубины, уходящий перпендикулярно вниз к самому дну океана.

Этот опыт казался мне опасным: кто знает, насколько крепок наш канат, выдержит ли он, если мы попадем в сильное подводное течение. Но когда дело шло о научных исследованиях, Маракот не думал об опасности. Я затаил дыхание, когда легкое содрогание стальной кабинки, раздвигавшей длинные плети колыхавшихся водорослей, показало, что канат натянут крепко и тащит нас за собой. Канат блестяще выдержал нашу тяжесть, и с постепенно возрастающей скоростью мы стали скользить по дну океана. Маракот с компасом в руке отдавал по телефону распоряжения переменить направление или подтянуть кабинку повыше, чтобы перескочить через подводные препятствия.

- Базальтовый хребет вряд ли больше двух километров в ширину, - объяснил он. - По моим соображениям, пропасть расположена западнее того места, где мы опустились. А если так, то мы очень скоро доползем до нее.

Мы беспрепятственно скользили над вулканическим плато, поросшим золотыми водорослями и сверкавшим тысячами фантастических красок.

Вдруг доктор схватил трубку телефона.

- Стоп! - закричал он. - Мы на месте!

Внезапно нам открылась чудовищная пропасть. Жуткое место, такое увидишь разве что в ночном кошмаре! Блестящие черные грани базальта круто обрывались вниз, в неизвестное. По краю пропасти росли мохнатые водоросли, как растет папоротник на краю обрыва где-нибудь на поверхности земли; за этим колышущимся, точно живым, бордюром шла гладкая блестящая стена бездны. Мы не знали, сколь широка эта пропасть, ибо даже наши сильные прожекторы не могли одолеть мрака. Мы зажгли мощный сигнальный фонарь Лукаса и направили вниз сильный сноп параллельных лучей. Они падали в бездну все ниже и ниже, не встречая препятствий.

- Поистине поразительно! - воскликнул Маракот, и на его худом лице появилось радостное выражение. - Нечего и думать, что такую глубину можно найти еще где-нибудь. Существует пропасть Челленджера в восемь тысяч метров у Ландронских островов, есть открытая "Планетой" пропасть в десять тысяч метров близ Филиппин и ряд других, но, по всей вероятности, Маракотова бездна совершенно исключительна по крутизне спуска и представляет тем больший интерес, что она укрылась от наблюдений всех гидрографических экспедиций - а их было немало, - составлявших карту Атлантики. Едва ли можно сомневаться, что...

Он замер на полуслове, и на лице его застыло выражение любопытства и удивления. Мы с Биллом бросились к иллюминатору и окаменели при виде поразительного зрелища.

Какое-то крупное животное поднималось к нам из глубины по световому тоннелю. Оно было еще далеко и освещено слабо, и мы едва могли различить огромное черное тело, медленными хищными движениями поднимавшееся все выше и выше. Оно загребало каким-то непонятным образом и вот уже, тускло отсвечивая, появилось у края пропасти, и теперь, при ярком свете, мы смогли его рассмотреть. Это было существо, неизвестное науке, но в нем был ряд особенностей, известных каждому из нас. Это чудовище, слишком длинное для гигантского краба и слишком короткое для гигантского рака, больше всего походило на морского рака: две огромные клешни торчали у него по бокам, а пара тяжелых громадных усов вибрировала над черными, круглыми, злыми глазами навывкате. Панцирь светло-желтого цвета имел в окружности метра три, а в длину, не считая усов, чудовище было не меньше десяти метров!..

- Поразительно! - воскликнул Маракот, лихорадочно черкая в записной книжке. - Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы - род crustaceae, вид неизвестен. Crustaceus Maracoti. Почему бы и не так, а?

- Черт с ним, с его именем! Ей-ей, оно лезет прямехонько на нас! - закричал Билл. - Слушайте, док [сокр. от "доктор"], а не лучше ли нам выключить свет?

- Одну минутку! Только набросаю его очертания! - воскликнул натуралист.

- Да, да, теперь тушите.

Он щелкнул выключателем, и мы снова очутились в непроглядной тьме, прорезаемой фосфоресцирующими точками, пролетающими, как метеоры в безлунную ночь.

- В жизни не видал более мерзкой скотины, - проворчал Билл, вытирая пот со лба. - Чувствуешь себя, как наутро после попойки.

- Он и в самом деле страшен на вид, - заметил Маракот, - но, вероятно, еще страшнее иметь с ним дело и испытать силу его клешней. Однако в стальной кабинке мы в полной безопасности и можем наблюдать его в свое удовольствие...

Только что он произнес эти слова, как по внешней стенке кабинки точно киркой ударили. Потом царапанье, скрежет и новый удар...

- Слушайте, ему хочется к нам! - в ужасе закричал Билл. - Нет, право, надо было написать на дверях: "Вход посторонним воспрещается".

Он старался шутить, но дрожащий голос выдавал его волнение. Сознаюсь, что и у меня поджилки затряслись, когда я убедился, что чудовище ощупывает нашу кабинку, размышляя, что это за странная банка и найдется ли в ней съестное, если ее умеючи вскрыть.

- Он не может нам повредить, - сказал Маракот, но в голосе его не чувствовалось уверенности. - Пожалуй, лучше его стряхнуть.

И он крикнул в телефонную трубку капитану:

- Поднимите нас на десять - пятнадцать метров!

Через несколько минут мы поднялись над равниной из лавы и закачались в спокойной воде. Но дьявольский рак не отставал. Вскоре мы снова услышали царапанье и постукивание клешней, которыми он продолжал ощупывать кабинку. Было жутко сидеть в темноте и чувствовать смерть в двух шагах от себя. Выдержит ли стекло, если по нему стукнет огромная клешня? Этот безмолвный вопрос волновал каждого из нас.

Но вскоре выявилась новая страшная опасность. Постукивание перешло на крышу, и мы почувствовали легкое покачивание.

- Доктор! - крикнул я отчаянно. - Он задел за канат! Он оборвет его!

- Слушайте, док, дуем наверх! Довольно мы насмотрелись всего, Билл

Сканлэн хочет домой к маме! Позвоните мальчику, пусть поднимает лифт...

- Но мы и половины не исследовали! - закаркал Маракот. - Мы только еще начали обследовать края пропасти. Измерим хотя бы ее ширину. Когда мы доберемся до противоположного края, я согласен вернуться на поверхность.

И он крикнул в трубку:

- Все в порядке, капитан! Двигайтесь со скоростью двух узлов, пока я не скажу "стоп".

Мы медленно двинулись над краем бездны. Раз темнота не спасла нас от нападения, мы включили свет. Одно окно было совершенно закрыто брюхом чудовища. Голова и огромные клешни работали на крыше, и удары по кабинке звучали, как погребальный колокол. Чудовище обладало невероятной силой. Никогда еще смертному не приходилось быть в таком положении: километры воды внизу - и злобное чудовище сверху! Качка усилилась. И вот мы почувствовали, что чудовище дергает канат! Трубка принесла испуганный крик капитана, а Маракот вскочил, в отчаянии всплеснув руками. Даже внутри кабинки мы слышали скрежет перетираемого каната, звон и свист рвущейся проволоки - и через мгновение мы уже падали в бездонную пропасть.

У меня до сих пор в ушах звенит дикий крик Маракота.

- Канат оборван! Мы пропали! Все погибло! - вопил он. Потом, схватив телефонную трубку, отчаянно крикнул: - Прощайте, капитан, прощайте все!

Это были наши последние слова, обращенные к людям на земле.

Падение наше не было стремительным, как вы, наверно, ожидаете. Несмотря на солидный вес, пустая внутри кабина создавала некоторое неустойчивое равновесие, и мы опускались в пропасть медленно и постепенно. Я слышал протяжный скрип, когда мы выскальзывали из страшных объятий чудовища, послужившего причиной нашей гибели, и затем, медленно вращаясь, широкими кругами, мы стали спускаться в бездонную пропасть. Прошло, наверно, не больше пяти минут, но нам они показались часом, когда телефонный провод натянулся и лопнул с тихим стоном, как струна. В ту же минуту лопнула и проводящая воздух трубка, и сквозь отверстие стала по каплям просачиваться соленая вода. Опытные, проворные руки Билла Сканлэна мигом перетянули конец резиновой трубки узлами, и вода перестала течь; а доктор отвинтил

пробку, и из баллона с легким свистом стал выходить сжатый воздух. Затем лопнул электрический провод, и мгновенно потух свет, но доктор в темноте добрался до аккумуляторов, и на потолке вспыхнули лампочки.

- Света нам хватит на неделю, - проговорил он с кривой усмешкой. - Во всяком случае, мы умрем при свете...

Потом он с досадой покачал головой, и его аскетическое лицо озарилось доброй улыбкой.

- Мне, собственно, все равно. Я старик, довольно пожил, и моя роль в мире сыграна. Единственно, о чем я сожалею, - зачем я вовлек двух молодых людей в это опасное предприятие. Я должен был рисковать один.

Я просто и горячо пожал ему руку, не в силах произнести ни слова. Билл Скэнлэн тоже молчал. Мы медленно опускались, измеряя скорость падения по теням рыб, поднимавшихся вверх мимо окон. Казалось, что это рыбы поднимаются вверх, а не мы опускаемся вниз. Кабинка сохраняла равновесие, хотя мне казалось, что мы каждую минуту можем перевалиться набок или перевернуться вверх дном. К счастью, наш вес был хорошо сбалансирован, и мы шли ко дну в стоячем положении. Случайно взглянув на глубиномер, я увидел, что мы опустились уже на глубину тысячи шестисот метров.

- Видите, все выходит так, как я предсказывал, - заметил Маракот с мрачным удовлетворением. - Не мешало бы вам ознакомиться с моим докладом Океанографическому обществу о соотношении давления и глубины. Как бы мне хотелось написать хоть несколько строк туда, наверх, чтобы пристыдить Бюлова из Гессена, который осмелился мне возражать.

- Черт подери! Будь у меня такая возможность, я бы не стал тратить ее на споры с этим тупоумным ослом! - воскликнул механик. - В Филадельфии живет одна крошка, когда она узнает, что больше уже не увидит Билла Скэнлэна, ее прелестные глазки наполнятся слезами. Да, что и говорить, хорошенький мы выбрали путь к нашим предкам.

- Вам не следовало опускаться с нами, - сказал я, пожав ему руку.

- Я бы счел себя последней дрянью, если бы остался наверху, - ответил он. - Нет, это моя прямая обязанность, и я рад, что исполнил ее.

Мы помолчали.

- Долго ли еще? - спросил я доктора.

Он пожал плечами.

- У нас еще будет время осмотреть дно бездны, - ответил он тихо. -

Воздуха в баллоне хватит больше чем на полдня. Опасность в другом - в продуктах выдыхания. Они задушат нас. Если бы мы смогли выпускать углекислоту!

- Это, по-видимому, невозможно.

- У нас есть баллон кислорода. Я захватил его на всякий случай. Вдыхая его время от времени, мы как-нибудь продержимся еще... Взгляните на глубиномер: мы опустились уже больше чем на три километра.

- Да стоит ли бороться за жизнь? Чем скорее наступит конец, тем лучше, - заметил я.

- Это верно! - подтвердил Сканлэн. - Раз, два - и не копайся!

- И отказаться от поразительного зрелища, которого еще не видел ни один человек на свете? - возразил Маракот. - Это предательство по отношению к науке! Будем до конца записывать свои наблюдения, даже если им суждено погибнуть вместе с нами. Надо довести игру до конца.

- Да вы молодчага, док! - воскликнул Сканлэн. - Вы нам сто очков вперед дадите. Ладно, будем играть до последнего грошика!

Мы терпеливо уселись втроем на диван, крепко вцепившись в его ручки; кабинка, колыхаясь и поворачиваясь, опускалась, и рыбы мелькали вверх мимо иллюминаторов...

- Уже пять километров, - заметил Маракот. - Я выпущу немного кислорода, мистер Хедли. Становится очень душно. Забавно, - сухо усмехнулся он. - Теперь-то эта бездна уж во всяком случае будет называться Бездной Маракота. Когда капитан Хови привезет эти новости, мои коллеги позаботятся, чтобы эта бездна стала не только моей могилой, но и памятником мне. Даже Бюлов из Гессена...

И он стал бормотать о каких-то своих ученых обидах.

Потом мы снова сидели в тишине и следили, как стрелка подползает к семи километрам. Один раз мы задели за что-то тяжелое и ударились с такой силой, что чуть не перевернулись набок. Может быть, это была крупная рыба,

а может, выступ скалистой стены, вдоль которой мы низвергались вниз. Прежде нам казалось, что хребет находится на страшной глубине, теперь же, когда мы смотрели на него из этой ужасной пропасти, он, на наш взгляд, был чуть ли не на поверхности океана.

Мы все плыли, вращаясь и описывая круги, сквозь темно-зеленые водные пустыни. Циферблат глубиномера показывал семь тысяч шестьсот метров.

- Мы приближаемся к концу путешествия, - сказал Маракот. - Глубиномер Скотта в прошлом году показал восемь тысяч сто сорок пять метров в самом глубоком месте. Через несколько минут мы узнаем, что нас ждет. Может быть, кабинка разлетится от удара. Может быть...

В эту минуту мы "причалили".

Ни одна любящая мать не опускала с такой нежностью своего первенца на пуховую перинку, как мы опустились на дно Атлантического океана. Толстый эластичный слой мягкого ила, на который мы сели, сыграл роль идеального буфера и спас нас от гибели. Мы боялись шевельнуться на диване, и не напрасно, ибо кабина опустилась краем на выступ скалы, покрытый вязким, желатинистым илом, и на нем мы покачивались, с трудом сохраняя равновесие и ежеминутно рискуя перевернуться. Но через некоторое время кабина утвердилась и застыла неподвижно.

В это мгновение доктор Маракот, пристально смотревший в окно, удивленно вскрикнул и выключил свет.

Каково же было наше удивление, когда оказалось, что и без электричества мы все видим. Тусклый рассеянный свет вливался через иллюминаторы в кабинку, как холодное сияние морозного утра. Мы поспешили к окнам и, не прибегая к свету прожекторов, могли рассмотреть окружающее метров на триста во всех направлениях. Это было непостижимо, невероятно, и, однако, спорить с очевидностью не приходилось. Дно океана было освещено!

- А почему бы и не так? - воскликнул Маракот после минутного молчания.
- Разве я не предвидел этой возможности? Из чего состоит этот ил? Разве это не продукт разложения миллиардов микроскопических органических существ? И разве разложение не сопровождается фосфорическим свечением? Да где же и наблюдать такое свечение, как не здесь? Ах, какая досада, видеть такие

изумительные вещи и не иметь возможности сообщить об этом миру!

- Но позвольте, - возразил я, - мы вытаскивали по полтонны ила и никогда не замечали подобного свечения!

- Ну да, очевидно, пока ил поднимали на поверхность, он терял способность фосфоресцировать. Да и что такое полтонны в сравнении с этими безграничными равнинами ила? И смотрите, смотрите, - вдруг возбужденно закричал он, - глубоководные существа пасутся на этом органическом ковре, как земные стада на лугу!

Стая крупных черных рыб, толстых и неповоротливых, проплыла над самым дном, то и дело поклевывая что-то. Потом появилось еще какое-то красное неуклюжее существо, вроде морской коровы; оно меланхолично жевало жвачку перед моим окном. Другие такие же животные паслись тут и там; иногда они поднимали головы и посматривали на странный предмет, так неожиданно появившийся среди них.

Я не мог не восхищаться Маракотом, который в этой мрачной обстановке, когда слышалось уже дыхание смерти, повиновался зову науки и лихорадочно записывал свои наблюдения. Не так педантично и углубленно, как он, я, однако, тоже наблюдал, и эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Дно океана состоит из красной глины, но здесь поверх нее лежал слой серой глубоководной слизи, образовавший волнистую равнину. Насколько хватал глаз, равнина не была ровной, ее пересекали странные круглые холмики, вроде того, на который мы сели, светившиеся всеми цветами радуги. Между холмиками плавали крупные стаи причудливых рыб, большей частью неизвестных науке; они были окрашены во все цвета с преобладанием черного и красного. Маракот рассматривал их со сдержанным волнением и делал заметки в записной книжке.

Воздух в кабинке стал очень тяжелым, и снова мы спаслись, вдохнув кислорода. Как ни странно, мы все чувствовали свирепый, прямо волчий голод и с жадностью набросились на консервированное мясо, хлеб с маслом и виски с водой, предусмотрительно захваченные Маракотом. Немного подкрепившись и освежившись, я поудобнее уселся у иллюминатора, и мне страстно захотелось в последний раз закурить, как вдруг я увидел нечто, поднявшее у меня в

голове настоящий вихрь мыслей.

Я уже упомянул, что волнистая серая долина была вся испещрена маленькими холмиками. Один, более крупный, высился перед моим окном метрах в десяти. На нем был какой-то странный знак. Присмотревшись к другим холмикам, я с изумлением заметил, что знак этот опоясывает всю видимую мне часть холма. На пороге смерти не так-то легко поддаться постороннему впечатлению, но у меня замерло дыхание и сердце на миг остановилось, когда я догадался, что эти знаки не что иное, как фриз, и что фигуры эти, потерявшие от времени четкость очертаний, были когда-то, несомненно, высечены рукою человека! Маракот и Сканлэн подбежали к иллюминатору и с изумлением смотрели на эти следы вездесущей деятельности человека.

- Ей-ей, это резьба! - воскликнул Сканлэн. - Верьте слову, эта площадка была когда-то крышей зданий! Да и все эти холмики тоже были домами. Слушайте, хозяин, да ведь мы без пересадки приехали в настоящий город!

- Да, это древний город, - ответил Маракот. - Геологи утверждают, что некогда моря были материками, а на месте материков были моря, но я всегда отрицал теорию, что в столь недавние сравнительно времена, как четвертичный период, в Атлантике могли быть какие-нибудь серьезные катастрофы. Оказывается, рассказ Платона о египетской легенде [речь идет о рассказе греческого философа Платона об Атлантиде, континенте, занимавшем, по преданию, часть Атлантического океана; Платон записал этот рассказ со слов законодателя Солона, в свою очередь, записавшего этот рассказ со слов одного египетского жреца] имеет под собой почву. А эти формации подтверждают теорию, что дно океана осело в результате весьма недавней вулканической деятельности.

- Эти холмики довольно правильно расположены, - заметил я. - Я начинаю думать, что это не отдельные дома, а купола и своего рода украшения крыши одного крупного здания.

- Пожалуй, вы правы, - подтвердил Сканлэн. - Вот смотрите, четыре крупных по краям и мелкие между ними, как по линейке. А интересно бы посмотреть все это сооружение. Да в него можно запихать весь завод Мерибэнкса, и еще место останется.

- Непрерывное осаждение морских отложений погребло его до самой кровли,
- сказал Маракот. - Но, с другой стороны, здание совсем не разрушено. На большой глубине мы наблюдаем постоянную устойчивую температуру в тридцать два градуса по Фаренгейту [соответствует 0 по Цельсию], и она препятствует процессу разрушения. Даже разложение глубоководных органических осадков, которые устилают дно океана и иногда освещают его, видимо, происходит очень медленно. Но послушайте, это же вовсе не фриз, а надписи!..

Он, без сомнения, был прав. Одни и те же знаки виднелись в разных местах. Конечно же, это были буквы какого-то древнего алфавита.

- Я изучал финикийские памятники письменности, и там встречаются очень похожие начертания, - продолжал он. - Ну, друзья мои, мы с вами увидели погребенный античный город и это поразительное открытие унесем с собой в могилу. Больше уже ничего не узнать: наша книга знаний прочитана. Я согласен с вами: чем скорее наступит конец, тем лучше!..

Жить нам теперь оставалось совсем недолго. Воздух был тяжелый, спертый. Он так был пропитан углекислотой, что живительная струя сжатого кислорода с трудом выходила из баллона. Встав на диван, можно еще было глотнуть чистого воздуха, но отравленная зона поднималась все выше и выше. Доктор Маракот безнадежно сложил руки и опустил голову на грудь. Сканлэн, отравленный углекислотой, вдруг сполз на пол. У меня кружилась голова, и грудь точно налилась свинцом. Я закрыл глаза и стал терять сознание. Потом снова открыл их, чтобы в последний раз увидеть то, что покидал навсегда, и тут же с хриплым криком изумления вскочил на ноги.

К иллюминатору прильнуло лицо человека.

Может, это привиделось мне в бреду? Я вцепился в плечо Маракота и затряс его изо всех сил. Доктор очнулся, выпрямился и, широко раскрыв глаза, безмолвно впился глазами в призрак. Раз и он его увидел, значит, это не галлюцинация. Лицо было длинное, узкое, смуглое, с острой бородкой клинышком, живые глаза быстро, пытливо осмотрели внутренность кабинки, и по выражению этих глаз я увидел, что наше положение ему понятно. Он был явно поражен. Электричество горело полным светом, и человеку снаружи наша кабинка представлялась камерой смерти, где один человек уже лежал без

чувств, а двое других, с искаженными, страшными лицами умирающих, отравленных углекислотой, смотрели на него через иллюминатор. Мы оба хватались руками за горло: нам нечем было дышать. Человек снаружи махнул нам рукой и исчез.

- Он бросил нас! - воскликнул Маракот.

- Или пошел за помощью. Поднимем Сканлэна На полу он умрет!

Мы втащили механика на диван и уложили его голову на подушки. Лицо у него посерело, он что-то бормотал в забытьи, но пульс еще прощупывался.

- Есть еще надежда! - прохрипел я.

- Но это сумасшествие! - крикнул Маракот. - Разве человек может жить на дне океана? Как он дышит? Это массовая галлюцинация! Мой молодой друг, мы сходим с ума.

И, взглянув на унылый, пустынный, серый ландшафт за окном, я подумал, что, наверно, Маракот прав. Потом мне почудилось движение за окном. Где-то вдали появились туманные тени. Вскоре они превратились в движущиеся фигуры. По дну океана к нам спешила толпа людей.

Через минуту они собрались перед окном и, размахивая руками и жестикулируя, о чем-то оживленно спорили. Среди толпы было несколько женщин. Один из мужчин, коренастый, большеголовый, с черной бородой, видимо, был предводителем. Он зорко осмотрел нашу стальную скорлупу и благодаря наклону кабины заметил, что в полу имеется трап. Послав куда-то одного из своих спутников, предводитель стал энергично жестикулировать, приказывая нам открыть трап изнутри.

- Почему бы и не открыть? - спросил я. - Не все ли равно, утонуть или задохнуться? У меня уже больше нет сил.

- Мы не должны утонуть, - ответил Маракот. - Вода, входящая снизу, встретит сопротивление воздуха и дальше определенной высоты не дойдет. Дайте Сканлэну глоток коньяку. Пусть сделает последнее усилие и выпьет.

Я влил коньяк в горло механика. Он судорожно глотнул и удивленно огляделся. Мы поставили беднягу на диван и, встав по обе стороны, держали его. Он все еще не совсем пришел в себя, но я в двух словах объяснил ему положение.

- Если вода дойдет до батарей, возможно отравление хлором, - сказал Маракот. - Надо дать кислороду вытекать свободно: чем больше будет давление, тем меньше войдет воды. Так. Теперь помогите мне поднять трап.

Мы налегли всей тяжестью и медленно отвалили круглую крышку в полу нашего прибежища, но мне казалось, мы совершаем самоубийство. Зеленоватая вода, шипя и сверкая под лучами ламп, потоками ворвалась в кабину. Она быстро залила пол, дошла нам до колен, до груди и тут остановилась. Но давление воздуха было непереносимо. У меня кружилась голова и в ушах шумело. В такой атмосфере долго не проживешь. Только ухватившись за верхнюю сетку, мы удерживались от падения в воду.

Так, стоя, мы уже не могли смотреть в окна и не знали, какие меры подводные люди принимают для нашего освобождения. Казалось совершенно невероятным, что нам могут прийти на помощь, но у этих людей, и особенно у предводителя, был такой энергичный и обнадеживающий вид, что невольно появились надежды на спасение. Вдруг нам показалось, что он смотрит на нас через круглое отверстие внизу сквозь воду, а через мгновение он пролез через трап, поднялся на диван, встал рядом с нами - низенький, коренастый, плотный, не выше моего плеча. Его большие карие глаза осматривали нас, и в них светилось желание ободрить: казалось, он хотел сказать: "Бедняги, вы думаете, что все кончено, а я отлично знаю, как отсюда выбраться".

И только теперь я заметил одно очень странное обстоятельство. Человек этот, если только он и в самом деле принадлежал к одному с нами племени, носил прозрачный колпак, который обволакивал весь его торс и голову, оставляя свободными руки и ноги. Колпак был так удивительно прозрачен, что в воде его не было видно, но теперь на воздухе он блестел, как серебро, оставаясь в то же время идеально прозрачным. На плечах у человека были странные наплечники с отверстиями и завязками, плотно облежавшими грудь. Наплечники имели вид маленьких продолговатых ящичков с многочисленными дырочками и напоминали эполеты.

Когда наш новый друг присоединился к нам, в отверстии в полу появился еще какой-то человек, и протиснул в него нечто вроде большого стеклянного шара. За первым шаром последовал второй, третий, все они быстро поднялись

вверх и поплыли по поверхности. Затем таким же путем были переданы шесть маленьких ящичков, и прикрепленными к ним завязками наш новый знакомый привязал нам по два ящичка на плечи - получилось совсем так, как у него.

Внезапно я начал понимать, что в этом не было ничего сверхъестественного, ничего противоречащего законам природы: один из ящичков был, несомненно, оригинальным источником свежего воздуха, другой - поглотителем отработанных продуктов дыхания. Потом незнакомец натянул нам на головы прозрачные колпаки, охватив нам плечи и грудь эластичными завязками, не позволявшими воде проникнуть внутрь колпака. Дышать под колпаком было совсем легко, и я с радостью увидел, что у Маракота снова бодро заблестели глаза из-под очков, а широкая улыбка Билла Сканлэна убедила меня, что животворный кислород сделал свое дело и Билл окончательно оправился. Наш спаситель удовлетворенно оглядел нас, потом махнул рукой, приглашая следовать за ним через трап в полу на дно океана. Дюжина дружеских рук протянулась, чтобы помочь нам вылезти и направить наши первые неуверенные шаги по вязкому глубокому илу.

Даже теперь я не могу забыть этого чуда. Маракот, Сканлэн и я, здоровые и сильные по-прежнему, стояли на дне океана, на дне подводной пропасти в восемь километров глубиной! Куда девалось ужасающее давление, смущавшее умы стольких исследователей. Оно мешало нам не больше, чем хрупким рыбам, плававшим вокруг нас. Правда, наши головы и тела были надежно защищены тонкими прозрачными шарами, упругими, но крепкими, как броневая сталь, но руки и ноги, остававшиеся свободными, чувствовали лишь плотную среду воды, которую вскоре перестаешь замечать, - и ничего больше! Как хорошо было стоять всем вместе в группе бородатых людей и смотреть на только что покинутую нами тюрьму! Мы забыли выключить аккумуляторы, и кабина наша представляла фантастическое зрелище: из круглых окон вырывались желтые снопы электрического света, и, привлеченные им, к окнам устремились стада рыб. Но вот предводитель взял Маракота за руку, и мы двинулись за ним сквозь плотную водную среду, тяжело ступая по скользкому илу.

И тут произошла странная история, удивившая наших новых друзей ничуть не меньше, чем нас. Над нашими головами появился небольшой темный предмет,

он быстро спускался к нам из темноты и лег на дно невдалеке от нас. Это был глубоководный лот со свинцовым грузом, спущенный со "Стратфорда" в пропасть, которая навсегда теперь будет связана с памятью о нашей экспедиции.

Мы поняли, что наверху разгадали сущность происшедшей трагедии, но никому и в голову не могло прийти, что лот опустился почти у самых наших ног. Лот неподвижно лежал на дне, но капитан, вероятно, не знал, что он достиг дна. Рядом со мной тянулся вверх тонкий проволочный канатик длиной в восемь километров, соединявший меня с нашим судном. Ах, если бы можно было написать записку и привязать к канатику! Абсурдная мысль... Но почему бы не послать наверх какой-нибудь знак, который покажет капитану, что мы все еще живы?

Верхняя часть моего тела, прикрытая прозрачным колпаком, была недостижима, но руки оставались свободными, и в кармане брюк у меня, по счастью, оказался носовой платок. Я быстро выхватил его и привязал к лоту. В тот же миг сработал автоматический механизм, отделил свинцовый груз, и белый лоскут быстро понесся вверх, в тот мир, который я, наверно, никогда больше не увижу.

Наши новые знакомые внимательно и с большим интересом обследовали тридцатикилограммовый груз свинца, наконец подняли его и понесли с собой.

Мы прошли не более сотни метров, пробираясь среди холмиков, и остановились перед небольшой квадратной дверью с массивными колоннами по бокам и какой-то надписью на дверной перемычке. Дверь была открыта, и мы вошли в большое пустое помещение. Управляемая скрытым, четко работавшим механизмом тяжелая каменная дверь немедленно захлопнулась.

Под своими колпаками мы, разумеется, ничего не могли слышать, но, постояв несколько минут, убедились, что пришел в действие какой-то огромный насос, потому что уровень воды вокруг нас стал быстро понижаться. Меньше чем через четверть часа мы стояли на слегка сыром полу, выложенном каменными плитами, а наши новые друзья хлопотливо освобождали нас от ненужных теперь прозрачных колпаков. И вот мы уже стоим в теплой, хорошо освещенной комнате и жадно вдыхаем совершенно чистый воздух, а смуглые

обитатели бездны, улыбаясь и болтая, толпятся вокруг нас,жимают нам руки и дружески похлопывают по плечу. Они говорили на странном языке; мы не понимали ни слова, но улыбки на лицах и ласковые взгляды были понятны даже на глубине восьми километров под уровнем океана. Повесив прозрачные колпаки на многочисленные крючки по стенам комнаты, бородатые незнакомцы стали ласково подталкивать нас к внутренней двери, за которой открывался длинный покатыи каменный коридор. Когда эта дверь автоматически захлопнулась за нами, ничто больше не напоминало нам о том невероятном обстоятельстве, что мы оказались невольными гостями неизвестного народа на дне Атлантического океана и навсегда оторваны от того мира, где родились и жили.

Теперь, когда страшное напряжение отпустило нас, мы вдруг почувствовали, как мы измучены. Даже Билл Сканлэн, этот неутомимый Геркулес, еле отдирает ноги от пола, а мы с Маракотом рады были, что можно повиснуть на руках проводников. И все же, несмотря на смертельную усталость, я внимательно глядел по сторонам и все замечал. Совершенно очевидно, что воздухом здание снабжала какая-то мощная машина, ибо он ритмически вырывался струями из маленьких круглых отверстий в стенах. Свет был рассеянный, флюоресцентный, того вида, который занимал умы европейских инженеров с тех пор, как научились обходиться без лампы и без нити накала. Свет исходил из длинных цилиндров прозрачного стекла, подвешенных к карнизам коридоров. Наконец мы вошли в обширную гостиную, всю устланную толстыми коврами и обставленную золочеными креслами и низкими диванчиками, при виде которых мне смутно вспомнились гробницы египетских фараонов. Провожатые наши разошлись, остался лишь глава отряда и два его помощника-спутника.

- Манд! - повторил он несколько раз, ударя себя в грудь.

Потом стал указывать по очереди на нас и повторять наши имена: Маракот, Хедли и Сканлэн, - пока не научился выговаривать их вполне правильно. Потом он усадил нас и сделал знак одному из помощников, который тотчас вышел и скоро вернулся в сопровождении глубокого старика с седыми кудрями и длинной бородой, с забавной конической шапкой черного бархата на голове.

Я забыл сказать, что все эти люди были одеты в цветные туники, достигавшие колен, и обуты в сандалии не то из рыбьей, не то из шагреновой кожи.

Почтенный незнакомец, очевидно, был врач. Он по очереди осмотрел нас, возлагая каждому руку на голову и закрывая глаза, - так он составлял впечатление о физическом состоянии пациента. Очевидно, обследование ни в какой степени его не удовлетворило, потому что он недовольно покачал головой и сказал несколько сердитых слов Манду. Манд сейчас же снова отрядил одного из помощников, тот принес поднос с кушаньями и кувшин вина и поставил их перед нами. Мы были слишком измучены, чтобы задумываться над тем, что это за еда, но, поевши, почувствовали себя лучше. После этого нас повели в другую комнату, где были приготовлены три постели, и я немедленно свалился на первую попавшуюся. Смутно помню, что подошел Билл Сканлэн и присел "на край моей постели.

- Послушайте, Хедли, - сказал он. - Этот глоток коньяка спас мне жизнь.

Но где мы, собственно, находимся?

- Я знаю столько же, сколько вы.

- Что ж, - сказал он сонным голосом и пошел к своей постели. - Я готов отправиться на боковую. А выпивка у них ничего. Слава богу, Вольдштеду [Вольдштед, Эндрю Джон (1860-1947) - американский конгрессмен; в 1919 году добился проведения в конгрессе закона о запрещении производства, продажи и перевозки спиртных напитков] сюда не добраться.

Больше я не услышал ничего, ибо погрузился в такой глубокий сон, какого не припомню, кажется, за всю жизнь.

3

Придя в себя, я сперва никак не мог понять, где нахожусь. События прошлого дня казались далеким кошмаром, и я никак не мог примириться с мыслью, что мне придется принимать их как факты. Я с удивлением оглядывал

большую комнату без окон, стены, выкрашенные в спокойные цвета; увидел полосы мерцающего красноватого света у потолка и две другие постели, - с одной из них доносился тонкий, с присвистом храп Маракота, знакомый мне еще по "Стратфорду". Все это было слишком странно, чтобы можно было в это поверить, и, лишь потрогав одеяло, сотканное из сухих волокон неизвестного мне морского растения, я убедился, что все то невероятное, что приключилось с нами, не сон, а действительность. Я все еще никак не мог освоиться с этой мыслью, как вдруг раздался взрыв хохота, и Билл Скэнлэн вскочил с постели.

- Доброе утро, Хедли! - крикнул он мне, не переставая смеяться.

- Вы сегодня в хорошем настроении, - ответил я несколько раздраженно. -

Не вижу особых причин для восторгов.

- Я тоже, как и вы, повесил было нос, когда проснулся, - ответил он. -

Потом мне пришла забавная штука в голову, и я расхохотался.

- А что за штука? Я бы тоже не прочь посмеяться.

- Да вот, Хедли, я подумал, как чертовски забавно было бы нам всем вчера прицепиться к этому самому лоту. Ведь в этих прозрачных колпаках мы бы прелесть как дышали. Старик Хови поглядел бы - а мы все и вылезаем из воды. Он бы решил, что выудил нас, это как пить дать. Вот бы здорово получилось!

Наш дружный хохот разбудил доктора Маракота, который сел на постели с тем же выражением удивления на лице, что за минуту до того было и у меня. Я позабыл о своих заботах, слушая сперва его отрывистые восклицания, потом выражение необузданной радости при виде столь обширного поля для новых исследований, затем горькие жалобы, что он не сможет поделиться своими замечательными наблюдениями с земными коллегами. Наконец, излив свои жалобы, доктор перешел к более насущным нуждам.

- Сейчас девять часов, - сказал он, посмотрев на часы.

Мы сверили по своим часам: девять. Только вот вопрос: дня или вечера?

- Надо нам завести календарь, - предложил Маракот. - Мы совершили спуск третьего октября. Сюда мы попали к вечеру того же дня. Вопрос: сколько времени мы проспали?

- Да не меньше месяца, черт возьми! - ответил Билл Сканлэн. - Ни разу я еще не спал так крепко с тех пор, как Микки Скотт уложил меня на шестом раунде, когда мы с ним боксировали на фабрике.

Мы вымылись и оделись, ибо все, что для этого требовалось, оказалось тут же, под рукой. Но дверь была заперта, и было очевидно, что мы пленники. Несмотря на видимое отсутствие вентиляции, воздух был удивительно чист, и мы вскоре обнаружили, что он вливается в комнату через небольшие отверстия в стенах. Отопление было, очевидно, центральное, потому что, хотя печки здесь не было, в комнате было тепло. Вдруг я заметил на стене кнопку и нажал ее. Это, как я и ожидал, был звонок, ибо дверь тотчас распахнулась и на пороге появился маленький смуглый человечек в желтой тунике. Он вопросительно смотрел на нас темными ласковыми глазами.

- Мы голодны, - сказал Маракот. - Дайте нам, пожалуйста, поесть.

Человечек покачал головой и улыбнулся. Ясно было, что он не понимает нас.

Сканлэн попытал счастья, изъяснив ему наши желания на крепком американском жаргоне, на что слуга ответил той же любезной, но непонимающей улыбкой. Когда же я открыл рот и выразительно пожевал палец, наш страж усиленно закивал и быстро исчез.

Через десять минут дверь снова распахнулась, и двое в желтых одеждах выкатили столик на колесах. Будь мы в Балтимор-отеле, нам бы не сервировали лучшего завтрака. Здесь были кофе, горячее молоко, булочки, какая-то восхитительная плоская рыба и мед. С полчаса мы были слишком заняты, чтобы обсуждать, что именно мы едим и откуда все это явилось. Когда все было съедено, снова вошли слуги, выкатили столик и тщательно заперли за собой дверь.

- Честное слово, я исщипал себя до синяков, - заявил Билл. - Спим мы или нет, позвольте вас спросить? Слышите, док, вы нас сюда притащили, и ваша святая обязанность - объяснить нам, у кого мы, собственно, в гостях.

Доктор покачал головой.

- Для меня это тоже сон, - сказал он, - но какой изумительный сон! Что

бы можно было рассказать миру, сумей мы передать туда наш рассказ!

- Ясно одно, - заметил я, - что в легенде об Атлантиде была правда и часть погибшего народа спаслась каким-то нам пока неизвестным образом.

- Даже если они и спаслись, - ответил Билл Сканлэн, почесывая в затылке, - то черт меня побери, коли я понимаю, как они получают свежий воздух, воду и все такое! Может быть, когда придет этот бородатый чудак, он сможет нас просветить?

- Как же он это делает, раз у нас нет общего языка?

- Пока подведем итоги собственным наблюдениям, - предложил Маракот. - Одно для меня несомненно, - я понял это, когда ел за завтраком мед. Мед был явно синтетический, на земле мы только-только учимся делать такой. Но раз есть синтетический мед, почему бы не быть синтетическому кофе и муке? Молекулы элементов подобны кирпичам, и они повсюду вокруг нас. Надо только знать, как переместить или вынуть некоторые кирпичи, а иногда всего один кирпич, чтобы получить новое вещество. Сахар превращается в крахмал, а эфир - в алкоголь простой перестановкой кирпичей. От чего же зависит эта перестановка? От теплоты, от электрических влияний. Быть может, и от других причин, о которых мы не знаем. Некоторые вещества изменяются сами собой. Уран становится радием, радий превращается в свинец без всякого вмешательства с нашей стороны.

- Значит, вы полагаете, что у них очень развита химия?

- Совершенно уверен. Ведь к их услугам сколько угодно этих "кирпичей"-элементов. Кислород и водород добываются непосредственно из морской воды. Углерод и азот имеются в изобилии в составе водорослей, а кальций и фосфор - в отложениях на дне. С умом и знанием чего только не сделаешь!

Доктор еще продолжал свою лекцию по химии, когда дверь открылась и вошел Манд, дружески приветствуя нас. С ним вместе пришел старик, который осматривал нас накануне вечером. Очевидно, это был ученый, потому что он обратился к нам на разных языках по очереди, но ни одного из них мы не понимали. Тогда он пожал плечами и заговорил с Мандом, и тот дал знак двум своим слугам. Они внесли странный небольшой экран на двух подставках. Экран был похож на обыкновенный кинематографический, но покрыт каким-то

составом, который блестел и переливался в лучах света. Экран приставили к одной из стен. Старик отмерил несколько шагов и провел черту на полу. Став на нее, он обернулся к Маракоту и прикоснулся ко лбу, указывая на экран.

- Спятил, - усмехнулся Билл. - Винтиков в голове не хватает.

Маракот покачал головой, показывая, что мы не понимаем, чего от нас ожидают. На лице старика выразилось замешательство. Потом, очевидно, приняв какое-то решение, он показал рукой на себя, повернулся к экрану и, сосредоточившись, устремил на него взгляд. Через мгновение на экране появилось его изображение. Потом он указал на нас, и вскоре мы заняли на экране его место. Но это были не совсем мы! Скэнлэн имел вид опереточного китайца, Маракот похож был на труп, но, очевидно, такими мы казались старику.

- Это отражение его мыслей! - воскликнул я.

- Правильно, - подтвердил Маракот. - Это - удивительнейшее открытие, которое мы еще еле-еле нащупываем на земле.

- Вот уж никогда не думал, что увижу себя в кино, если только этот кругломордый китаец и вправду я, - сказал Скэнлэн. - Сообщите мы все эти штуки редактору "Леджера", он бы нас обеспечил на всю жизнь. Да, уж мы бы не остались внакладе, если бы сумели передать это на землю.

- В том-то и дело, - возразил я. - Мы бы заставили весь мир разинуть рты от удивления, если бы только выбрались отсюда. Но что он там волнуется, этот старик?

- Он хочет, чтобы вы, док, проделали такую же штуку.

Маракот занял указанное ему место, и сосредоточившись, прекрасно воспроизвел картину. Мы увидели изображение Манда, потом "Стратфорда" в ту минуту, когда его покидали.

И Манд и старик-ученый радостно закивали головами при виде парохода, а Манд начал делать плавные жесты от нас к экрану.

- Просит рассказать им все! - воскликнул я. - Они хотят знать по картинкам, кто мы такие и как сюда попали.

Маракот кивнул Манду, показывая, что мы поняли, и начал было "рисовать" картинку нашего путешествия, но тут Манд прикоснулся к его руке и прервал

рассказ. По его знаку слуги унесли экран, и атланты жестами пригласили нас следовать за ними.

Здание было огромное, и мы долго переходили из одного коридора в другой, пока наконец не пришли в большой зал с сиденьями, возвышавшимися амфитеатром, как в университетской аудитории. Сбоку стоял экран - такой же, какой мы только что видели, только побольше. Лицом к нему сидели люди; их было около тысячи человек, и при нашем входе раздался одобрителный шепот. Здесь были мужчины и женщины всех возрастов. Мужчины все бородатые, женщины постарше имели весьма почтенный вид, а девушки блистали красотой. Мы лишь мельком могли взглянуть на толпу. Нас усадили в первом ряду, а Маракота поставили на кафедру перед экраном. Потом огни угасли, и был дан сигнал к началу.

Маракот прекрасно восстанавливал в своем воображении сцены пережитого. Сперва мы увидели, как наш корабль выходит из устья Темзы, и ропот удовольствия прошел по рядам при виде настоящего современного города. Потом появилась карта, на которой был отмечен наш путь. Затем показалась стальная кабинка, и по оживлению в зале ясно было, что ее уже видели. Кабина опускалась все глубже и глубже. И вот появился чудовищный рак, погубивший нас.

- Маракс! Маракс! - закричали зрители при появлении чудовища. Ясно, что они знали и боялись его. Но вот чудовище стало перетирать канат, и раздалась крики ужаса, перешедшие в вопль, когда канат оборвался и кабинка полетела в бездну. Рассказывая целый месяц, мы не объяснили бы все так подробно, как за получасовую лекцию-демонстрацию.

Когда зажегся свет, вся аудитория собралась подле нас, проявляя знаки симпатии и удовольствия, похлопывая нас по плечу, всеми силами стараясь дать нам понять, что они нам рады. Нас по очереди представили некоторым старшинам. Но они отличались от всех остальных лишь знаниями и мудростью, иных различий между ними, казалось, не было, и одеты все были примерно одинаково. У мужчин были короткие, до колен, шафрановые туники с поясами; обуты они были в высокие сандалии из упругого чешуйчатого материала, вероятно, из кожи какого-то морского животного.

Женщины живописно драпировались в розовые, синие, зеленые одежды и были украшены нитками жемчуга и мелких перламутровых раковин. Многие были так прекрасны, что на земле невозможно было бы найти им равных. Там была одна... Но зачем вмешивать мои личные чувства в рассказ, представляющий общественный интерес? Скажу лишь, что Мона - единственная дочь Скарпы, одного из вождей народа, и что с самой первой нашей встречи я прочел в ее взоре симпатию и сердцем почувствовал, что и она поняла мое восхищение ее красотой. Пока больше ничего не буду говорить об этой прелестной девушке. Достаточно сказать, что новое, сильное чувство вошло в мою жизнь. Потом, когда я увидел, как непривычно оживленный Маракот жестикулирует перед одной приятной, любезной особой, а Сканлэн, окруженный группой смеющихся девушек, жестами выражает им свое восхищение, я понял, что и мои спутники нашли в нашем трагическом приключении приятную сторону. Если мы погибли для надводного мира, то нашли иной, где, по-видимому, жизнь обещает хоть как-то вознаградить нас за утраченное.

Позже Манд и другие наши новые друзья водили нас по различным помещениям бесконечного здания. Здание настолько вросло в дно океана, что проникнуть в него можно было лишь через крышу, и отсюда длинные коридоры лабиринтом спускались все ниже и ниже, пока не достигали глубины нескольких сот метров под уровнем входа.

Фундамент здания, покоившийся на первоначальном дне океана, сообщался с новыми коридорами и ходами, которые вели глубоко под землю. Нам показали аппараты, вырабатывающие воздух, и насосы, разгонявшие его по всему огромному зданию. Маракот с восхищением и уважением указал нам на маленькие реторты, где вырабатывались аргон, неон и прочие газы, роль которых для дыхания мы на земле только-только еще начинаем понимать. Чрезвычайно интересны были огромные дистилляторы для свежей воды и огромные электрические установки, но большая часть машин была так сложна, что мы не в силах были разобраться в их деталях. Могу только заявить, что видел собственными глазами и попробовал на вкус различные химические элементы в жидком и газообразном состояниях, которые вводились в аппараты и подвергались там обработке теплом, давлением и электричеством, и в

результате машины производили муку, чай, кофе, вино и множество других продуктов питания.

При самом поверхностном осмотре здания, тех его частей, которые нам были открыты для осмотра, нас поразило одно обстоятельство. Нам стало совершенно очевидно, что затопление страны было предусмотрено ее обитателями задолго до катастрофы и они своевременно позаботились об организации защиты от неминуемой гибели. Совершенно понятно и в доказательствах не нуждается то обстоятельство, что подобные предосторожности не могли быть приняты после катастрофы, что все огромное здание с самого начала строилось с расчетом послужить в случае наводнения убежищем и постоянным жильем для народа. Огромные машины, вырабатывающие воздух, пищу, дистиллированную воду и другие необходимые продукты, были заблаговременно помещены в стенах здания и составляли его органическую, неотъемлемую часть. Были предусмотрены выходы с крыши, организованы мастерские, изготовлявшие прозрачные колпаки-скафандры; установлены колоссальные насосы для откачивания воды из специальных камер, сообщавшихся непосредственно с океаном. Все это было заготовлено с умом и дальновидностью удивительно культурного народа, который, как мы имели возможность убедиться, в свое время простирал свою руку к Египту и Южной Америке и, таким образом, оставил по себе память на земле даже после того, как сама чудесная Атлантида погибла под волнами. Что же до их потомков, то они, что вполне естественно, несколько выродились и застыли на одной точке прогресса, они сохранили знания предков, но у них не хватало энергии развить их, пополнить. Они располагали огромными возможностями, но, нам казалось, им не хватает инициативы и они мало что сделали, чтобы приумножить богатейшее наследие, доставшееся им от предков. Я уверен, что, если бы их огромные знания достались Маракоту, он сотворил бы великие дела. Что касается Сканлэна с его острым, живым умом прирожденного механика, то он им все время показывал разные диковинки, так же удивлявшие их, как их изобретения удивляли нас. Садясь в стальную кабинку перед спуском, он не забыл сунуть в карман свою любимую губную гармонику, и теперь она была непрерывным источником радости для наших подводных друзей.

Они садились вокруг Билла и слушали его, как мы слушаем Моцарта, а он наигрывал им то веселые, то грустные песенки своей далекой родины.

Я уже упоминал, что не все здание было нам предоставлено для осмотра, и хочу несколько подробнее рассказать об этом. В здании был один запущенный на вид коридор, по которому постоянно сновали люди, но наши проводники тщательно его избегали. Естественно, это возбудило наше любопытство, и однажды вечером мы решили на свой страх и риск заглянуть туда. Мы тихонько выбрались из нашей комнаты и направились к неизвестной части здания, где, по счастью, почти никого не встретили.

Коридор привел нас к высокой двери-арке, которая, как мне показалось, была из чистого золота. Растворив дверь, мы очутились в большом зале, образующем четырехугольник площадью не меньше ста метров. Стены были разрисованы яркими красками и украшены изображениями и статуями уродливых существ со странными головными уборами, вроде тех, что носили в старину американские индейцы. В конце большого зала возвышалась огромная сидячая фигура со скрещенными, как у Будды, ногами, но лицо ее отнюдь не выражало нерушимое спокойствие, свойственное Будде. Наоборот, это было воплощение зла, идол с открытой пастью и свирепыми красными глазами, освещенными изнутри электрическими лампочками. На коленях идола был большой черный жертвенник - очаг, в котором, подойдя поближе, мы увидели кучи пепла.

- Молох! - сказал Маракот. - Молох, или Ваал, древний бог финикийцев.

- Черт возьми! - воскликнул я, вспомнив о Карфагене. - Неужели этот культурный народ совершает человеческие жертвоприношения?

- Послушайте, Хедли! - забеспокоился Сканлэн. - Надеюсь, они будут держать эту свою дурь про себя. Нам это уж вовсе ни к чему.

- Я думаю, они уже получили хороший урок, - ответил я. - Несчастье учит милосердию.

- Правильно, - поддержал Маракот, вглядываясь в пепел. - Это старый бог их предков, но формы культа, видно, обновились. Посмотрите на этот пепел. Это остатки сожженных хлебов, злаков и тому подобного. Но, возможно, было время, когда...

Наши размышления прервал сердитый голос, и, обернувшись, мы увидели

нескольких людей в желтых одеждах и высоких шапках, вероятно, жрецов храма. По выражению их лиц я увидел, что мы весьма близки к тому, чтобы стать последними жертвами Ваала: один из жрецов угрожающе вытащил из-за пояса нож. Криками и грозными жестами они грубо вытеснили нас из храма.

- Черт подери! - возмутился Билл. - Я вот сейчас двину этого типа, если он еще раз до меня дотронется!

В первое мгновение я испугался, что Билл затеет в этом святилище скандал. Но нам удалось увести разъяренного механика, и мы все вернулись к себе в комнату, однако по выражению лиц Манда и других мы поняли, что поход наш получил огласку и все нас осуждают.

Зато в другое святилище нас пускали невозбранно, и там мы случайно нашли возможность, правда, весьма несовершенную, для общения с нашими хозяевами. Это была комната в нижней части храма без всяких украшений, только в одном углу стояла пожелтевшая от времени статуя слоновой кости, изображавшая женщину с копьем в руке и с совой на плече. Комнату охранял дряхлый старик, и, несмотря на то, что он был очень стар, мы поняли, что это представитель иной, более красивой и рослой расы, чем жрецы. Мы с Маракотом смотрели на статую, стараясь припомнить, где мы видели нечто похожее, когда старик обратился к нам.

- Теа, - сказал он, указывая на статую.

- Черт возьми! - воскликнул я. - Он говорит по-гречески.

- Теа Афина! - повторил старик.

Сомнений не было. Он говорил: "Богиня Афина".

Маракот, человек удивительно универсального ума и огромных знаний, начал задавать ему вопросы на классическом греческом языке, которые старик понимал лишь отчасти и отвечал на столь архаическом диалекте, что понять его было почти невозможно. И все же Маракоту удалось кое-что узнать, он нашел посредника, через которого можно будет хоть что-то передать атлантам.

В тот же вечер Маракот говорил нам возбужденно, тоном лектора, обращаясь к большой аудитории, и, как всегда, высоким, пронзительным голосом:

- Это - поразительное доказательство достоверности легенды. Легенда основывается на фактах, даже если последующие века постоянно их искажают. Вам известно или, скорее, неизвестно ("Вот это верно сказано", - вставил Сканлэн), что во время катастрофы, разразившейся над несчастным островом, между древними греками и атлантами происходила кровопролитная война. Эти факты описаны Солоном со слов жрецов Сане. Мы можем допустить, что в ту эпоху у атлантов были греческие пленники, что некоторые из них были отданы для службы в храмы и принесли с собой свою религию. Насколько я мог понять, старик - наследник древних греческих жрецов, и, быть может, когда мы познакомимся с ним поближе, мы узнаем что-нибудь и об этом древнем народе.

- Что ж, я на стороне греков, - заявил Билл. - В конце концов уж если хочешь вылепить себе бога, так пусть лучше это будет красивая женщина, чем красноглазое чудовище с камином на коленях.

- Хорошо, что они не могут читать ваших мыслей, - сказал я. - Иначе вам, пожалуй, не миновать судьбы христианских мучеников.

- Ну, на этот счет будьте покойны, - возразил Билл. - Пока я им изображаю джаз-банд на гармонике, нас не тронут. Кто же тогда их будет забавлять?

Это был веселый парод, и мы вели чудесную жизнь, но бывали и бывают времена, когда сердце стремится в родные края, когда встают в воображении квадратные башни Оксфорда и старые вязы Гарварда. В первые дни нашей подводной жизни они мне казались такими же недостижимо далекими, как лунный ландшафт, и лишь теперь у меня появляется слабая, робкая надежда, что когда-нибудь я их все-таки увижу.

деле не знали, кем себя считать, - взяли в экспедицию на дно океана. С нами отправилось шестеро во главе с Мандом. Собрались мы все в той же входной камере, через которую проникли сюда впервые, и теперь могли более подробно осмотреть ее устройство. Это была большая квадратная комната не менее тридцати метров в длину и ширину; ее низкие стены и потолок были сплошь покрыты зеленой плесенью. По стенам комнаты виднелся длинный ряд крючков со знаками, которые, как нам объяснили, были цифрами, и на этих крючках висели прозрачные водолазные колпаки; каждый из них был снабжен парой наплечных батарей для дыхания. Пол был выстлан плитками из светлого известняка, выщербленного ногами многих поколений, и в углублениях его застаивалась вода. Комната была ярко освещена трубками, подвешенными к карнизу. Нас заключили в прозрачные колпаки и дали каждому по толстой остроконечной палке, вроде багра, из какого-то чрезвычайно легкого металла.

Потом по данному сигналу Манд велел нам ухватиться за перила, окружавшие комнату. Он сам подал нам пример, а за ним и другие атланты. Скоро выяснилась причина этой предосторожности. Как только открылась наружная дверь, воды океана ворвались в комнату с такой силой, что, не держись мы за перила, бушующий поток тотчас же свалил бы нас с ног. Вода быстро поднималась, и, когда она покрыла нас с головой, напор сразу ослабел. Манд первый двинулся к выходу, и через мгновение мы уже были на дне океана, оставив за спиной открытую дверь входной камеры.

Оглядываясь по сторонам в холодном, мерцающем свете, слабо озарявшем дно океана, мы могли свободно различать все на расстоянии полукилометра. Больше всего нас удивила яркая, светящаяся вдалеке точка, но что это было, мы пока не могли разобрать. К этой точке и направил нас наш предводитель, а мы гуськом шли за ним. Идти приходилось медленно из-за упругости водной среды, да и ноги глубоко вязли в мягком иле, покрывавшем дно океана; но вскоре мы ясно увидели, откуда льется загадочный свет, привлечший наше внимание. Это была наша стальная кабинка - последнее воспоминание о земной жизни! Она лежала боком на одном из куполов этого огромного здания, все еще ярко освещенная изнутри. Сжатый воздух сохранил от вторжения воды ту

ее часть, где были электрические установки. Странное ощущение испытывали мы, рассматривая через иллюминатор знакомую внутренность нашей стальной кабины, наполненной водой, в которой скользили, как в аквариуме, несколько крупных рыб, напоминающих миног. Один за другим мы проникли в кабинку через открытый люк. Маракот хотел непременно спасти записную книжку, плававшую на поверхности воды, а мы со Сканлэном решили захватить кое-что из личного имущества. За нами влез и Манд с двумя спутниками и стал с интересом рассматривать глубиномер, термометр и другие приборы, прикрепленные к стенам. Кое-какие из них мы сняли и забрали с собой.

Ученым будет небезынтересно знать, что на самой большой глубине, куда только спускался человек, температура равна пяти градусам по Цельсию, то есть значительно выше, чем в верхних слоях океана. Объясняется это непрерывным химическим процессом разложения ила и возникающей в связи с этим теплотой.

Оказалось, что, помимо легкой прогулки по дну океана, наша экспедиция имела определенную цель. Мы добывали пищу. Я видел, как наши спутники вдруг ударяли острыми баграми, всякий раз пронзая большую коричневую плоскую рыбу, несколько похожую на камбалу. Этим рыб было множество, но они так сливались окраской с илом, что заметить их мог лишь опытный глаз. Вскоре у каждого из наших спутников было уже по две-три рыбины. Немного погодя мы со Сканлэном тоже наловчились бить рыбу и поймали по паре, но Маракот двигался точно во сне, весь поглощенный чудесами морского дна, и произносил длинные взволнованные речи, которые мы не могли услышать. Мы видели только, что губы его непрерывно шевелятся. На первый взгляд дно океана показалось нам унылым и однообразным, но вскоре мы убедились, что серая равнина изборождена бесчисленными подводными течениями, пересекающими ее, как подводные реки. Эти течения прорывают каналы в мягком слое ила и образуют настоящие речные ложа. Дно каналов состоит из красной глины, которая образует фундамент всего дна океана, и сплошь устлано какими-то белыми предметами, которые я сперва принял за раковины, но при ближайшем рассмотрении они оказались костями китов, зубами акул и других морских чудовищ. Один из таких зубов, поднятый мною, имел

пятнадцать дюймов длины. Какое счастье для нас, что чудовища, обладающие таким страшным оружием, живут преимущественно в верхних слоях океана! По мнению Маракота, этот зуб принадлежал гигантскому полулегендарному хищнику Орка-гладиатор. находка лишний раз подтверждала нашумевшее в ученых кругах заявление Митчела Хиджеса о том, что у самых огромных акул, которых ему удавалось поймать, на теле имелись исполинских размеров раны, а значит, существуют еще более свирепые и сильные чудовища, чем они сами.

Одна странность особенно поражает наблюдателя дна океана. Это, как я уже упоминал, постоянный холодный свет, излучаемый огромными фосфоресцирующими массами разлагающихся органических веществ. Но выше темно, как ночью. Это создает иллюзию сумеречного зимнего дня, когда низко над землею тянутся огромные мрачные тучи. Из этой мглы медленно, но беспрестанно падает что-то легкое, белое, поблескивающее, будто хлопья снега. Это раковины морских улиток и других мелких морских животных, которые живут и умирают в восьмикилометровом слое воды, отделяющем нас от поверхности, и хотя многие во время падения растворяются и образуют известковые соли, которыми богат океан, другие, падая год за годом, образуют мягкий органический вековой слой, погребаящий великий город, в верхней части которого мы теперь живем.

Со вздохом покинув стальную кабинку - последнее звено, связывающее нас с землей, - мы вышли в сумрак подводного мира и вскоре столкнулись с еще одной особенностью жизни на дне океана. Впереди маячило смутное движущееся пятно, оказавшееся группой людей в прозрачных колпаках; люди эти тащили своего рода широкие сани, нагруженные углем. Это была тяжелая работа, и бедняги, вцепившись в веревки из рыбьей кожи, напрягали все свои силы. При каждой группе людей находился один главный, и мы с удивлением заметили, что рабочие и руководители принадлежат к совершенно разным расам. Рабочие были высокие белокурые люди с голубыми глазами и могучим телом. Руководители, как я уже описывал, - брюнеты с примесью негритянской крови, коренастые, приземистые. В ту минуту мы не могли разрешить свои сомнения, но похоже было, что одна раса из поколения в поколение была рабами другой, и Маракот полагал, что голубоглазые - потомки греческих

пленников, чью богиню мы видели в храме.

До того, как мы подошли к рудникам, нам встретилось еще несколько групп, тащивших уголь. Здесь органический слой и песчаные напластования дна были сняты целиком, и обнаружилось широкое пространство, откуда начиналась шахта, где чередовались слои угля и глины, веками наращивавшиеся на дне Атлантического океана. Тут, на разных уровнях, мы видели группы людей за работой. Они отбивали пласты, грузили куски в корзины, поднимали их наверх. Рудник был настолько обширен, что мы не видели другого края этого огромного колодца, который пробивали в дне океана многочисленные поколения рабочих. Уголь, превращаемый в электрическую энергию, был основной движущей силой, приводившей в движение все машины Атлантиды. Кстати, любопытно отметить, что самое имя древнего города совершенно точно сохранилось легендами. Когда мы упомянули слово "Атлантида", Манд и другие наши спутники чрезвычайно удивились, что мы его знаем, а потом одобрительно закивали, показывая, что они нас поняли.

Миновав огромный колодец-шахту, или, вернее, уйдя от него вправо, мы подошли к цепи базальтовых скал с поверхностью столь же чистой и блестящей, как в день, когда земля извергала их из своих недр. Вершины скал уходили в темноту непроглядной ночи, а подошвы терялись в густой чаще водорослей, поднимавшихся на бугристых наслоениях окаменевших кораллов, строивших здесь свои колонии в отдаленнейшие доисторические времена. Некоторое время мы шли вдоль края этих густых подводных зарослей, причем наши провожатые изредка ударяли по ним палками, извлекая оттуда ради нашего удовольствия удивительных рыб и ракообразных; часть их бросали, часть отбирали для своего стола. Таким образом, мы прошли около двух километров, как вдруг я увидел, что Манд внезапно остановился и стал озираться, жестами выражая удивление и тревогу. Его выразительные движения и мимика подвижного лица вполне заменяли язык, потому что атланты мгновенно уяснили себе причину его беспокойства, и лишь тогда мы с испугом поняли, в чем дело. Доктор Маракот исчез!

Я отчетливо помню, что доктор был с нами, когда мы шли мимо угольной шахты, он дошел с нами до базальтовых утесов. Уйти вперед он, конечно же,

не мог, так что оставалось искать его позади, вдоль линии подводных зарослей. Наши друзья были чрезвычайно встревожены исчезновением Маракота, а мы со Сканлэном, хорошо знакомые с эксцентричностью рассеянного ученого, были убеждены, что тревожиться тут не из-за чего и мы скоро найдем его: забыв все на свете, он, наверно, с головой ушел в изучение какой-нибудь диковинной морской зверюги. Мы повернулись и пошли обратно и, не сделав и сотни шагов, увидели Маракота.

Но он бежал, бежал со скоростью, которой я никак не ожидал от человека его возраста и привычек. И никуда не годный спортсмен побежит, если его подгоняет безудержный страх. Маракот бежал, спотыкаясь и увязая, широко раскинув руки, точно взывая о помощи. У него были все основания рваться из последних сил: три ужасных существа преследовали его по пятам. Это были тигровые крабы с чередующимися черными и желтыми полосами, каждый размером с ньюфаундленда. К счастью, они не могли быстро передвигаться по илу и как-то странно, боком, прыгали по мягкому дну океана со скоростью, немного превышающей ту, что развил испуганный беглец.

Но запаса сил у них было больше, они постепенно догоняли его, и, если бы не вмешались наши друзья, они через несколько минут схватили бы Маракота страшными клешнями. Все бросились навстречу крабам с острыми баграми наперевес, а Манд зажег мощный электрический фонарь, висевший у него на поясе, и пустил сноп света в глаза отвратительных чудовищ, которые поспешно свернули в заросли и пропали из виду. Доктор бессильно опустился на обломок кораллового рифа, и по его лицу было видно, что он совершенно измучен этим приключением. Позже он рассказывал нам, что проник в подводные джунгли, желая достать то, что показалось ему редким экземпляром глубоководной химеры [химера - рыба, похожая на акулу, с продолговатым телом, низко врезанным ртом, голой кожей и длинной хвостовой нитью], и угодил в гнездо свирепых тигровых крабов, которые мгновенно бросились за ним в погоню. Только после продолжительного отдыха он смог двинуться дальше.

Миновав базальтовые утесы, мы наконец подошли к нашей цели. На серой равнине перед нами высились раскинутые в беспорядке пригорки, высокие

холмики, выступы, говорившие о том, что под нею лежит большой древний город. Он был бы совершенно и навсегда погребен под слоем ила, как Геркуланум под лавой и Помпея под пеплом [италийские города, погибшие при извержении Везувия в 79 году нашей эры], если бы подводные жители не прокопали в него вход. Входом служил длинный покаты́й коридор, переходивший в широкую улицу, по обе стороны которой тянулись ряды строений. Стены домов, построенные не столь прочно, как Храм Безопасности, были изборозжены трещинами и частично разваливались, но внутренность домов большей частью осталась в том состоянии, в каком захватила их разразившаяся катастрофа, разве только в иных местах океанские волны похозяйничали в домах: где украсили их, а где изуродовали. Наши проводники не дали нам времени осмотреть эти первые дома и увлекали нас вперед, пока мы не добрались до здания, которое, очевидно, было большой центральной крепостью или дворцом, вокруг которого концентрическими кругами разрастался весь город.

Колонны, огромные скульптурные карнизы и фризы, площадки и лестницы этого здания превосходили все, что я когда-либо видел на земле. Больше всего здание походило на остатки храма Карнака в Луксоре в Египте, и - удивительное дело - украшения и полустертые надписи в мелочах напоминали такие же украшения и надписи великих развалин близ Нила, а колонны, увенчанные огромными капителями в виде цветов лотоса, были точно такие же.

Как странно было идти по мозаичному мраморному полу огромных зал с большими статуями у стен и видеть крупных серебристых угрей, мелькавших над нашими головами, и стаи перепуганных рыб, без оглядки удиравших от снопа света, которым Манд освещал нам дорогу. Мы переходили из комнаты в комнату, подолгу задерживаясь в богато обставленных покоях, носивших все следы той непомерной роскоши, которая, по преданию, и навлекла на Атлантиду гнев богов.

Одна комната, сравнительно небольшая, была чудесно украшена перламутровой инкрустацией, которая еще до сих пор переливалась мягкими опаловыми бликами, когда луч света, играя, скользил по стенке. В углу, на возвышении, орнаментированное изысканной резьбой, стояло ложе из какого-то

желтого металла, и комната эта казалась опочивальней королевы, но возле ложа теперь лежал уродливый черный моллюск, и его отвратительное тело вздымалось и опускалось в тихом пульсирующем ритме: казалось, будто в самом центре этого зловещего дворца бьется чье-то злобное сердце.

Я был рад, да и мои товарищи тоже, когда атланты вывели нас отсюда. На мгновение мы заглянули в большой разрушенный амфитеатр, дальше увидели набережную с маяком в конце и поняли, что город этот был в свое время морским портом. Скоро мы выбрались из этих мест, отмеченных недоброй печатью, и снова очутились на знакомой подводной равнине.

Но наши приключения еще не кончились: произошло еще одно, встревожившее нас не меньше, чем наших друзей-атлантов. Мы направлялись обратно, когда один из атлантов вдруг с беспокойством указал на что-то наверху. Мы взглянули туда, и перед нами предстало невиданное зрелище. Из черного слоя воды прямо на нас быстро опускалось что-то огромное, темное. Сперва нам показалось, что это бесформенная масса, но когда она спустилась пониже, мы увидели в слабом свете, что это труп огромной рыбы, он раздулся и лопнул, и за ним тянулись ее внутренности. Газы поддерживали его в верхних слоях океана, но в результате гниения, а быть может, тут постарались акулы, они покинули это мертвое тело, и оно устремилось на дно океана. Во время нашей прогулки мы натыкались не раз на гигантские скелеты, начисто обглоданные рыбами, но это чудовище, хоть оно и было выпотрошено, еще походило на то, каким было при жизни.

Атланты вцепились в нас, намереваясь оттащить с пути падающего тела, но, увидев, что оно нас минует, успокоились. Колпаки не позволяли нам различать звуки, но при падении этого тяжелого тела на дно, вероятно, последовал сильный удар; слой ила взлетел кверху, как взлетает тина в пруду, если бросить в нее камень.

Это был кит метров двадцати пяти в длину, и по оживленной и радостной жестикуляции подводных людей я заключил, что они сумеют найти хорошее употребление для его жира и спермацета.

Некоторое время спустя после встречи с мертвым китом мы, все трое, к нашей радости, снова очутились перед знакомой квадратной дверью с тяжелыми

колоннами по бокам, ибо порядком устали от такого непривычного для нас путешествия, и вскоре уже стояли на сыроватом полу входной камеры сухие, невредимые, без прозрачных колпаков.

Через несколько дней - нам трудно определять время точно, - после того как Маракот демонстрировал атлантам на экране "кинематографа мысли" все, что с нами произошло, нас пригласили на куда более пышную торжественную демонстрацию, где мы узнали историю этого удивительного народа.

Я не обольщаюсь, сеанс вовсе не был организован исключительно в нашу честь, скорее всего такие демонстрации нередко повторялись публично, чтобы народ не забывал о своем прошлом, и то, что нам показали, было лишь прелюдией к длинной религиозной церемонии. Но как бы там ни было, постараюсь описать то, чему мы были свидетелями.

Нас привели в тот же большой зал, где Маракот при помощи экрана рассказывал о наших приключениях. Здесь уже собрались все обитатели Храма Безопасности, и нам, как и в прошлый раз, отвели почетные места перед большим блестящим экраном. Атланты запели длинную торжественную песнь, скорее всего своего рода гимн. Потом дряхлый, седой старик, летописец или историк атлантов, встреченный аплодисментами, занял кафедру и стал проецировать на экран ряд картин, изображавших возвышение и падение его народа. Если бы только мне удалось передать вам их яркость и драматизм! Я и мои товарищи совершенно потеряли представление о времени и пространстве - так мы были увлечены этими картинками. А сзади нас, потрясенные до глубины души, люди вздыхали и проливали слезы над трагедией, рисовавшей разрушение их отечества и гибель их народа.

В первой серии изображений мы увидели древний материк во всем блеске славы - каким он сохранился в памяти народа, ибо воспоминание это народ передавал из поколения в поколение. Мы видели великую страну с птичьего полета - ее огромные владения, прекрасно возделанные и орошенные беспредельные поля, где росли культурные злаки; цветущие фруктовые сады, веселые ручьи, поросшие лесом холмы, спокойные озера и кое-где живописные горы. Повсюду селения, фермы, прекрасные дворцы. Потом мы перенеслись в столицу страны - удивительный, великолепный город на берегу моря; в гавани

стояло множество галер, пристани были завалены товарами. Город защищали крепкие стены, высокие боевые башни и глубокие рвы - все колоссальных размеров. Дома вдоль улиц тянулись на много километров, а в центре города возвышался окруженный зубчатой стеной замок, такой огромный и внушительный, точно порождение каких-то фантастических снов. Потом мы увидели лица обитателей страны того золотого века: почтенных старцев, мужественных воинов, прекрасных, достойных женщин, веселых, крепких детей - цвет человечества.

Потом замелькали картины другого рода. Мы видели войны - непрерывные войны, войны на суше и на море. Мы видели полудикие беззащитные племена, уничтожаемые огнем и мечом, их подминали под себя колесницы, топтала тяжелая конница. Мы видели сокровища, доставшиеся победителям, но чем богаче они становились, тем резче менялись лица на экране: они приобретали все более жесткие, животные черты. Из поколения в поколение все грубее становилось выражение лиц, все ниже и ниже опускалась культура. Мы наблюдали признаки сладострастия и беспутства, морального разложения; богатства росли, а духовная культура падала. Жестокие, извращенные состязания, стоившие жизни их участникам и привлекавшие тысячи зрителей, заняли место мужественных спортивных игр прошлого. Простая, здоровая жизнь отошла в область преданий. Мы видели беззаботные, легкомысленные толпы, бросавшиеся от одного увлечения к другому; они гонялись лишь за порочными наслаждениями, никогда не насыщаясь ими. Вырос, с одной стороны, класс эксплуататоров, сверхбогачей, стремившихся исключительно к чувственным наслаждениям, с другой стороны, обнищавшее до последней степени население, все назначение которого состояло в том, чтобы беспрекословно исполнять желания и капризы господ, как бы жестоки и отвратительны ни были эти желания.

Потом мы опять увидели совсем другие картины. Появились реформаторы, пытавшиеся указать заблудшим другие пути, вернуть их к прежним, забытым благородным целям. Мы видели, как эти печальные, исполненные серьезности люди увещевали ставших на путь порока, но те, кого они хотели спасти, высмеивали их, издевались над ними. Особенно враждебны реформаторам были

жрецы Ваала, по милости которых бескорыстная религия духа выродилась во внешние ритуалы и церемонии. Но мужественные борцы не сдавались, они стремились спасти свой народ. Лица их принимали все более суровое, непреклонное выражение, словно перед их внутренним взором вставали грядущие беды. Лишь некоторые прислушивались к словам мудрецов, устрасаясь их пророчеств, большинство же отворачивалось со смехом и еще больше погрязало в пучине греха. И наступило время, когда реформаторы уже ничего больше не могли сделать и предоставили этот вырождающийся народ его собственной судьбе.

Потом мы увидели странную картину. Один реформатор, крепкий духом и телом, возглавил все реформистское движение. Он был богат и влиятелен и обладал поистине неистощимыми силами. Мы видели его словно бы в трансе, в общении с какими-то духами. Это он собрал всех величайших ученых страны, все знания - а они превосходили, затмевали все, что было известно нам сегодня, - и применил их для постройки убежища от грядущей катастрофы. Мы видели тысячи рабочих за постройкой - стены росли. А беспечные толпы смотрели, хохотали и удивлялись столь сложным и ненужным предосторожностям. Другие спорили с мудрецом и говорили, что если он чего-то боится, то не проще ли уехать в другую, более безопасную страну. А он отвечал (насколько мы могли понять), что здесь есть честные, простые люди, которых можно спасти в последнюю минуту, и для их-то спасения он и должен остаться в своем Храме Безопасности. Понемногу он собрал своих приверженцев и поселил их в Храме, потому что, хотя высшие силы предупредили его о катастрофе, он не знал точно ни дня, ни часа, когда она свершится.

Так что, когда Храм был готов и водонепроницаемые двери испытаны, он вместе со своей семьей, друзьями, приверженцами и слугами стал ждать страшного часа. И час настал. Это было ужасное зрелище даже на экране! А каким оно было на самом деле, и представить невозможно. Сперва мы увидели, как вдали из спокойной глади океана поднялась на огромную высоту страшная сверкающая гора воды. Потом она двинулась вперед, километр за километром двигалась по морю водяная стена, взметая на гребне клочья пены, стремясь

вперед со все возрастающей яростью. Две щепки в потоках белоснежной пены на вершине волны оказались, когда волна подкатилась ближе, двумя разбитыми волной крупными галерами. Потом мы видели, как гигантская волна с силой ударила о берег и понеслась на город, и дома никли перед ее напором, как спелая рожь под порывами бури. Мы видели людей на крышах домов, глядящих на приближающуюся смерть. Лица их были искажены ужасом, глаза дико блестели, рты перекошены, они кусали руки и в неопишемом ужасе что-то кричали. Те самые люди, что насмехались над строителем Храма Безопасности, теперь взывали о пощаде, они бросались на колени и простирали руки, моля о спасении. У них не было времени добраться до убежища, построенного за городом, и тысячи беглецов бросились к центральной крепости, стоявшей на холме, и зубчатые стены ее потемнели от толпы беглецов.

И вдруг замок начал проваливаться. Все начало проваливаться. И через расселины вода хлынула в глубины земли, внутренний огонь превратил ее в пар, и произошел взрыв, разрушивший и исковеркавший предпочвенные слои древнего материка. Город погружался все глубже и глубже, и при виде этого ужасного зрелища и мы и все, кто сидел за нами, не могли удержаться от крика. Мол раскололся пополам и исчез. Гигантский маяк рухнул и исчез под волнами. Еще некоторое время виднелись крыши и купола высоких домов, точно острые скалистые рифы, но скоро и они скрылись под водой. Над поверхностью бушующего океана высилась лишь одна крепость - как чудовищной величины корабль. Потом и она стала медленно опускаться в бездну, и на вершине ее качался лес рук, простертых вверх. Страшная драма была окончена, море поглотило весь материк, весь без остатка, и на его поверхности не виднелось ни одного живого существа. В его бурлящих волнах то там, то тут всплывали трупы людей и животных, стулья, столы, одежда, головные уборы, тюки с товарами, и все это ныряло и носилось в пенном водовороте. Потом воды успокоились, перед нами раскинулась необъятная водная гладь, блестящая, как ртуть, и мрачное солнце на горизонте скупое освещало могилу страны, судьба которой была отныне решена.

Рассказ был окончен. Нам не о чем было спрашивать; догадка, логика и воображение восстановили все пробелы рассказа. Мы представили себе

медленное, но неуклонное опускание Атлантиды в бездны океана среди вулканических конвульсий, воздвигнувших вокруг нее огромные подводные горы. Мы представили себе государство атлантов, погребенное на дне океана, разрушенный город, раскинувшийся вокруг Храма Безопасности, в котором укрылась горстка потрясенных людей. Мы поняли теперь, как сумели беглецы спастись от смерти, как использовали они разнообразные достижения науки, которыми снабдил их гениальный строитель Храма Безопасности, как он обучал их всем наукам и искусствам, как кучка в пятьдесят-шестьдесят спасшихся атлантов выросла теперь в значительное общество, которое должно было вгрызаться в недра земли, чтобы расширить свою "страну". Целая справочная библиотека не смогла бы рассказать все это проще и подробнее, чем серия картин-мыслей. Такова была участь древнего государства атлантов, таковы были причины, сокрушившие его. В отдаленном будущем, когда покрывающий дно или превратится в мел, великий город, возможно, еще раз будет вынесен новым катаклизмом на поверхность земли, и геологи будущего, роясь в каменоломнях, найдут не отпечатки растений, не раковины, а остатки погибшей цивилизации и следы катастрофы, погубившей древний мир.

Одно лишь нам все еще не было ясно: сколько прошло времени с того дня, когда произошла трагедия? Доктор Маракот прибегнул к довольно несовершенному методу для определения даты. Среди множества помещений огромного здания Храма Безопасности была большая пещера, служившая местом погребения вождей атлантов. Здесь, как в Египте, мумифицировали трупы; и в нишах, по стенам, стояли бесчисленными рядами эти мрачные реликвии прошлого. Манд гордо указал на одну свободную нишу и дал нам понять, что она изготовлена специально для него.

- Если мы обратимся к европейским правителям, - объяснил нам Маракот профессорским тоном, - то найдем, что они сменялись приблизительно по пяти человек в столетие. Этими цифрами можно воспользоваться и в данном случае. Конечно, мы не можем гарантировать абсолютной точности, но приблизительный расчет получить нетрудно. Я сосчитал мумии - их четыреста.

- Значит, получается около восьми тысяч лет!..

- Правильно. И это в какой-то мере совпадает со сведениями Платона.

Катастрофа, разумеется, произошла еще до зарождения египетской письменности, а она началась шесть-семь тысяч лет назад. Да, я думаю, мы имеем право сказать, что видели воспроизведенную на экране трагедию, случившуюся не менее восьмидесяти веков назад. Но, разумеется, создать ту культуру, следы которой мы находим здесь, тоже можно было лишь за многие тысячелетия. Таким образом, - закончил он, и я передаю его утверждение вам, - мы расширили горизонт достоверной истории человечества до таких пределов, каких не достигал еще ни один человек с самого начала истории!

5

Приблизительно через месяц после посещения погребенного города произошло нечто удивительное и неожиданное. В то время мы уже думали, что застрахованы от всяких неожиданностей и ничто больше не сможет нас удивить, но эта история превзошла все, что мы способны были вообразить.

Известие, что случилось что-то из ряда вон выходящее, принес Сканлэн. Надо сказать, что к тому времени мы чувствовали себя в огромном здании, почти как дома: мы прекрасно знали расположение комнат, присутствовали на концертах атлантов (их музыка очень своеобразна и сложна для нашего уха) и на театральных представлениях, где непонятные нам слова прекрасно пояснялись живыми, выразительными жестами, - короче говоря, мы стали членами их общины. Мы посещали отдельные семьи в их частных помещениях, и наша жизнь - моя, во всяком случае, - была согрета бесконечным гостеприимством этих славных людей, особенно одной милой девушки, чье имя я уже однажды упоминал. Мона, как я уже говорил, была дочерью одного из вождей, и в ее семье я нашел теплый и милый прием, который стирал все существовавшие между нами преграды. А когда дело доходит до самого нежнейшего из языков, я, право, почти не нахожу больших различий между древней Атлантидой и современной Америкой. То, что может нравиться

массачусетской девушке из Броун-колледжа, я думаю, понравится и девушке, живущей под водой.

Но вернемся к той минуте, когда вернулся Сканлэн и сообщил, что произошло что-то важное.

- Один из них, - возбужденно рассказывал Билл, - сейчас ворвался сюда - он был в океане - и до того вне себя, что забыл снять стеклянный колпак и несколько минут болтал без толку, пока не сообразил, что из-за колпака никто его не слышит. Потом что-то говорил, говорил, пока у него дыхание не перехватило, и все помчались за ним в выходную комнату. Вы как хотите, а я побегу за ними, потому что там, наверно, есть что посмотреть!

Выскочив в коридор, мы увидели, что атланты бегут к выходу, оживленно жестикулируя. Мы присоединились к ним и, наскоро надвинув колпаки, помчались по дну океана вслед за взволнованным вестником. Атланты бежали так быстро, что нам нелегко было следовать за ними, но у них были электрические фонарики, и мы, отстав, все же знали, куда нам направляться. Путь шел вдоль базальтовых утесов, пока мы не достигли места, откуда начинались уступы, полустертые от многолетнего хождения по ним. По этим уступам мы взобрались на вершину базальтовой скалы и очутились в местности, загроможденной обломками скал, сильно затруднявшими наше передвижение. Пробравшись кое-как через этот лабиринт, мы вышли на круглую равнину, залитую фосфорическим светом, и в самом ее центре лежало нечто, от чего у меня сразу занялся дух.

Наполовину зарывшись в мягкий ил, на боку лежал большой пароход. Труба его была сбита, грот-мачта тоже сломана почти у самого основания, но в остальном корабль был цел и так чист и нетронут, точно только что вышел из дока. Мы поспешили обойти его вокруг и очутились перед кормой. Вы можете себе представить, с каким чувством мы прочли его название: "СТРАТФОРД", ЛОНДОН.

Наш корабль последовал за нами в Маракотову бездну!

Когда первое потрясение прошло, все это не показалось нам таким уж загадочным. Мы вспомнили пасмурную погоду, зарифленные паруса выдавшего виды норвежского барка и злое черное облако на горизонте. Ясно, что

наверху внезапно разразился чудовищной силы циклон и "Стратфорд" потонул. Было совершенно очевидно, что команда яхты погибла, потому что все шлюпки, хотя и полуразбитые, висели на таях [таль - механизм для подъема вручную грузов на небольшую высоту]. Да и какая шлюпка могла бы спастись в такой ураган?! Трагедия, несомненно, произошла через час-два после нашей катастрофы. Лот, который мы видели на дне, был, возможно, брошен за несколько минут до первого порыва циклона. По страшному капризу судьбы мы еще живы, а те, кто оплакивал нашу гибель, погибли.

Мы не знали, носило ли нашу яхту в верхних слоях океана или она уже довольно давно лежит здесь, где мы на нее наткнулись. Бедный капитан Хови, вернее, то, что от него осталось, все еще стоял на своем посту на капитанском мостике, крепко вцепившись в перила окоченевшими пальцами. Только он и трое кочегаров в машинном отделении утонули вместе с яхтой. Всех их, по нашим указаниям, вынули и погребли под слоем векового ила, украсив могилы подводными цветами. Я упоминаю об этой подробности в надежде, что она несколько смягчит тяжкое горе миссис Хови. Имена кочегаров нам неизвестны.

Пока мы выполняли этот скорбный долг, по яхте сновали атланты. Они накинулись на нее, как мыши на сыр. Их любопытство и возбуждение ясно доказывали, что "Стратфорд" - первый современный корабль, может быть, первый пароход, попавший в их бездну. Позже мы узнали, что кислородные аппараты внутри колпаков позволяли атлантам находиться под водой всего несколько часов без перезарядки, и поэтому они могли передвигаться лишь по сравнительно небольшой территории. Атланты сразу же принялись за дело, стали рыться в каютах "Стратфорда", снимать с него все, что им могло пригодиться; это паломничество за оборудованием яхты происходит непрерывно и еще не совсем закончено. Мы тоже были рады случаю проникнуть в свои старые каюты и унести оттуда всю одежду и книги, хотя бы частично уцелевшие при катастрофе.

Среди имущества, снятого нами со "Стратфорда", был и корабельный журнал, который велся капитаном до самого последнего момента. И странно было читать о собственной гибели и видеть гибель того, кто о ней писал.

Вот последняя запись корабельного журнала:

"3 октября. Трое храбрых, но безумных искателей приключений, вопреки моей воле и совету, сегодня спустились в своем аппарате на дно океана, и произошло несчастье, которое я предвидел. Упокой, господи, их души. Они начали спуск в одиннадцать часов утра, и я, заметив надвигающийся шквал, долго колебался, прежде чем дать свое согласие. Жалею, что не послушался своего инстинкта, но это лишь отсрочило бы трагическую развязку. Я попрощался с ними, предчувствуя, что никогда больше их не увижу. Некоторое время все шло хорошо, и в одиннадцать сорок пять они достигли глубины пятисот сорока метров, где и обнаружили дно. Доктор Маракот давал мне по телефону ряд распоряжений, и все, казалось, шло отлично, как вдруг я услышал его взволнованный голос, и проволочный канат сильно заколебался. Через мгновение он лопнул. По-видимому, в эту минуту они находились над глубокой расселиной; перед этим доктор приказал яхте медленно двигаться вперед. Воздушные трубки еще некоторое время продолжали разматываться и спустились, по моим расчетам, еще на километр, а потом и они оборвались. Теперь больше нет надежды услышать о судьбе доктора Маракота, мистера Хедли и мистера Сканлэна.

Затем я должен отметить одно удивительное происшествие, значение которого я не имею времени расшифровать, так как надвигается шторм и надо торопиться с записями. Был брошен лот, который отметил глубину в семь тысяч шестьсот пятьдесят метров. Груз его, конечно, остался на дне, канатик мы вытащили, и - как это ни невероятно - над фарфоровой чашкой, берущей образцы, был привязан носовой платок мистера Хедли с его меткой. Команда поражена, и никто не понимает, как это могло произойти. В следующей записи я, быть может, сумею что-нибудь сообщить на этот счет. Мы прождали несколько часов в надежде, что на поверхность что-нибудь всплывет, и вытащили остаток каната, конец которого был точно перепилен. Теперь я должен прервать запись и заняться яхтой: никогда не видел такого грозного неба, барометр быстро падает".

Так получили мы последнюю весточку от наших погибших товарищей. Очевидно, тотчас же после этой записи налетел ураган и уничтожил пароход.

Мы оставались подле корабля, пока не почувствовали, что воздух внутри колпаков стал тяжелым, грудь стало давить; мы поняли, что пора возвращаться.

На обратном пути мы столкнулись с серьезной опасностью, которая, видно, постоянно подстерегает подводный народ, и поняли, почему за такой огромный промежуток времени численность атлантов выросла так незначительно. Включая и греческих рабов, их было четыре-пять тысяч человек, не больше.

Мы спустились со ступеней и шли вдоль подводных джунглей, растущих у подножия базальтовых утесов, когда Манд взволнованно указал вверх и замахал руками одному из атлантов, отделившемуся от группы и шедшему поодаль по открытому месту. В ту же минуту атланты бросились к большим валунам, увлекая нас за собой. Только забравшись под прикрытие валунов, мы узнали причину внезапной тревоги.

На некотором расстоянии от нас сверху быстро спускалась крупная, странного вида рыба. Формой она напоминала огромный плавучий пуховый матрац, мягкую, рыхлую перину. Нижняя часть рыбы была светлая, с нее свисала длинная красная бахрома, вибрация которой давала поступательное движение всему телу. По-видимому, у рыбы не было ни глаз, ни рта, но скоро мы заметили, что она обладает чрезвычайно развитым чутьем.

Атлант, оставшийся на открытом месте, со всех ног бросился к нам, но слишком поздно! Его лицо исказилось от ужаса, когда он увидел, что смерть неминуема. Страшное существо опустилось прямо на него, обволокло его со всех сторон, прижало ко дну, жадно пульсируя, точно раздавливая его тело о кораллы. Вся трагедия развернулась в нескольких шагах от нас, однако атланты, застигнутые врасплох, растерялись, и, казалось, потеряли всякую способность действовать. Тогда Сканлэн бросился вперед и, вспрыгнув на широкую спину чудовища, испещренную красными и коричневыми точками, вонзил острое металлическое копьё в его мягкое тело.

Я последовал примеру Сканлэна, и, наконец, Маракот с атлантами атаковали чудовище, которое медленно заскользило прочь, оставляя за собою клейкий маслянистый след. Наша помощь подоспела слишком поздно: тяжесть колоссальной рыбы раздавила колпак атланта, и он захлебнулся. Это был день

скорби - мы несли тело погибшего обратно в Храм Безопасности, но и день нашего триумфа, ибо быстрая сметка и энергия возвысили нас в глазах подводных людей. О страшной рыбе Маракот сказал, что это разновидность рыбы-покрывала, хорошо известной ихтиологам, но экземпляра такой величины, какого он и вообразить не мог.

Я упоминаю об этом существе лишь потому, что оно послужило причиной трагедии, но я могу и, может быть, начну писать целую книгу о той удивительной жизни на дне океана, которой был свидетелем. В глубине океана преобладают красный и черный цвета, растительность по преимуществу бледно-оливковая, и ее плети и листья столь упруги, что наши драги чрезвычайно редко вытаскивают их; на этом основании наука пришла к убеждению, что на дне океана ничто не растет. Многие глубоководные животные необычайно красивы, другие - уродливы и страшны, как видения кошмара, и гораздо опаснее всех земных тварей.

Я видел черного ската десяти метров длиной, с ужасным когтем на хвосте, один удар которого способен уложить на месте любое живое существо. Видел похожее на лягушку создание - у него зеленые глаза навыкате, прожорливый рот и сразу за ним огромный живот. Если у вас нет с собою электрического фонаря, чтобы ослепить это животное, встреча с ним смертельна. Видел слепого красного угря, который лежит среди камней и убивает жертву, выпуская сильнейший яд. Видел опаснейшее страшилище глубин - гигантского морского скорпиона и рыбу-черта, что прячется в подводных зарослях.

Однажды я удостоился чести видеть настоящего морского змея - существо, которое редко видели глаза человека, потому что оно живет на огромной глубине и на поверхности океана показывается лишь в тех случаях, когда его выталкивают из бездны какие-либо подводные конвульсии. Пара морских змеев проскользнула однажды мимо нас с Моной, укрывшихся в густых зарослях водорослей. Они были огромны, эти змеи, метров трех в ширину и около семидесяти метров в длину, черные сверху, серебристо-белые снизу, с огромными бахромчатыми плавниками на спине и крошечными, как у быка, глазками. Об этом и о многих других интересных созданиях вы найдете подробный отчет в бумагах доктора Маракота, если когда-нибудь они до вас

дойдут.

Неделя за неделей тянулась наша новая жизнь. Существование наше было вполне приятно. Мы понемногу усваивали чуждый нам язык, так что уже могли говорить со своими друзьями. В подводном городе было бесконечно много разных областей для изучения и наблюдения, и вскоре Маракот настолько постиг древнюю химию, что гордо заявил, что может теперь перевернуть вверх дном всю современную науку, если только сумеет передать свои знания наверх. Кроме всего прочего, атланты давно научились разлагать атом, и хотя освобождающаяся при этом энергия значительно меньше, чем предполагали наши ученые, все же она настолько велика, что служит им неисчерпаемым источником энергии. Их знания в области энергетики и природы эфира также много обширнее наших, и то непостижимое для нас превращение мысли в живые образы, посредством которого мы рассказали им нашу историю, а они нам свою, - следствие открытого атлантами способа превращать колебания эфира в материальные формы.

И все же, несмотря на все их познания, им неведомо было многое из того, что давно открыто на земле. Доказать это подводным жителям выпало на долю Сканлэна. Вот уже несколько недель, как он пребывал в состоянии загадочного волнения, его распирала какая-то тайна, и он постоянно ухмылялся собственным мыслям. За это время мы видели его лишь изредка и случайно, он был отчаянно занят, и единственным его другом и поверенным был толстый, жизнерадостный атлант по имени Бербрикс, который работал в машинном отделении Храма Безопасности. Сканлэн и Бербрикс, беседы которых велись главным образом посредством жестикуляции и частых дружеских шлепков по спине, скоро стали закадычными друзьями и подолгу занимались чем-то наедине друг с другом. Однажды вечером Сканлэн пришел, весь сияя.

- Послушайте, доктор, - сказал он Маракоту. - Я обмозговал тут одну штуковину и хочу показать ее почтеннейшей публике. Они показали нам пару пустяков, и я полагаю, что пора утереть им нос. Давайте пригласим их завтра вечером на представление.

- Джаз или чарльстон? - спросил я.

- Какой там чарльстон! Погодите - увидите! Это замечательная штука, но

больше я ни слова не скажу. Вот какое дело, Хедли. Мы ведь тоже всякое можем. Я тут кое-что придумал и хочу поделиться этим со всеми.

На следующий вечер все подводные жители собрались в музыкальном зале. На эстраде, сияя от гордости, стояли Сканлэн и Бербрикс. Один из них тронул кнопку, и тут, выражаясь языком Сканлэна, нас здорово ошарашило.

- Алло, алло, говорит Лондон! - раздался вдруг звонкий голос. -
Внимание, внимание. Слушайте метеорологический бюллетень.

Последовали стереотипные фразы о давлении и антициклоне.

- Новости дня. Сегодня состоялось открытие нового корпуса детской больницы в Хаммерсмите...

И так далее и так далее... Знакомые слова! Впервые за все это время мысленно мы перенеслись в Англию, которая мужественно трудилась изо дня в день, согнув свою крепкую спину под тяжестью военных долгов. Потом мы услышали иностранные новости, потом спортивные.

Надземный мир жил по-прежнему. Наши друзья-атланты с любопытством слушали, но ничего не понимали. Но, когда в перерыве гвардейский оркестр грянул марш из "Лознгринга", с трибун раздалась крики восторга, и было забавно видеть, как слушатели ринулись к эстраде, заглядывали на экран, приподнимали занавес, ища чудесный источник музыки. Да, и мы приложили руку к чудесам подводной цивилизации!

- Нет, сэр, - говорил потом Сканлэн. - Передающую станцию я сам смастерить не сумел. У них нет подходящего материала, а у меня не хватает мозгов. Но дома, там, наверху, я сам состряпал двухламповый приемник, натянул антенну на крыше между веревками для просушки белья, научился им управлять и мог поймать любую станцию Штатов. Стыдно было бы, имея под рукой все их электрические штуки и стеклодувные мастерские, далеко опередившие наши, не смозговать машинку, улавливающую эфирные волны, а ведь волны проходят по воде не хуже, чем по воздуху. Старина Бербрикс чуть не спятил, когда мы в первый раз зацепили волну, но теперь по привычке, и, я думаю, радио тут станет привычным, обиходным делом.

Среди открытий химиков Атлантиды имеется газ в девять раз легче водорода, которому Маракот дал название "левиген". Его опыты с этим газом

навели нас на мысль послать на поверхность океана шары из эластичного стекла атлантов с сообщением о нашей судьбе.

- Я разъяснил Манду, в чем дело, - сказал Маракот. - Он отдал распоряжение в стеклодувную мастерскую, и через день-два шары будут готовы.

- Но как мы положим внутрь записки? - спросил я.

- В шаре обычно оставляют небольшое отверстие для наполнения газом. В него можно просунуть свернутый в трубочку листочек бумаги. Потом эти искусные стеклодувы запаяют шар. Я уверен, что, когда мы выпустим шары, они стрелой помчатся кверху.

- И будут годами блуждать, никем не замеченные.

- Возможно. Но шары будут отражать лучи солнца. А это рано или поздно привлечет внимание. Мы находимся под оживленным морским путем из Европы в Южную Америку. И я не вижу причин, почему бы хоть одному из шаров не дойти по назначению.

Вот каким образом, мой дорогой Толбот или вы, кто читает эти строки, дошел до вас мой рассказ. Но этим дело не кончилось. За этой мыслью появилась другая, еще более смелая. Ее родил изобретательный мозг механика-американца.

- Послушайте, друзья, - сказал он, когда мы сидели одни в своей комнате. - Здесь очень славно, и выпивка недурна, и закуска как быть должно, и бабенку я тут встретил такую, что в Филадельфии ей никто и в подметки не годится, - все же иной раз до зарезу хочется увидеть родную землю.

- Мы все об этом мечтаем, - возразил я, - но я положительно не вижу, как можно осуществить нашу мечту.

- А ну, погодите! Коли эти шары с газом могут унести от нас восточку, может, они и нас самих смогут утащить наверх. Да вы не думайте, что я дурака валяю. Я все это прикинул и высчитал. Взять да связать три-четыре шара вместе и устроить этаким лифт на одну персону. Понимаете? Потом мы надеваем наши колпаки и привязываемся к шарам. Третий звонок, занавес поднимается - мы улетаем. Что нас может задержать между дном и

поверхностью?

- Акула, например...

- Подумаешь! Плевать я хотел на вашу акулу! Да мы так проскочим мимо всякой акулы, что она и не расчухает, в чем дело. Мы так разгонимся, что выскочим метров на двадцать над поверхностью. Верьте слову, если какой-нибудь дурень увидит, как мы выскочим из воды, он со страху сразу примется молитвы читать.

- Ну, предположим, достигли мы поверхности, а что будет потом?

- Да бросьте вы к черту ваше "потом". Надо попытаться счастья или засесть здесь навеки. Я, во всяком случае, полечу.

- Я тоже очень хочу вернуться на землю, хотя бы для того, чтобы представить результаты своих наблюдений научным обществам, - отозвался Маракот. - Только мое влияние и личное присутствие дадут им возможность уяснить себе огромное богатство и значение моих наблюдений. Я готов принять участие в вашей попытке, Сканлэн.

Я меньше других стремился наверх, у меня были на то свои причины, о которых вы узнаете позже.

- Это безумие! - сказал я. - Если наверху нас никто не будет ждать, мы будем носиться по волнам и погибнем от голода и жажды.

- Ерунда, как это мы можем устроить, чтобы нас кто-нибудь ждал?

- Пожалуй, и с этим удастся справиться, - вмешался Маракот. - Мы можем сообщить довольно точно нашу широту и долготу...

- И там бросят лестницу? - не без иронии перебил я.

- Какая там еще лестница! Хозяин прав. Слушайте, мистер Хедли, вы напишите в своих бумажках, которые посылаете наверх, где мы находимся. Черт возьми! Да я прямо вижу сенсационные заголовки в газетах! Напишите, что мы находимся под двадцать седьмым градусом северной широты и двадцать восьмым градусом четырнадцатой минутой западной долготы или как там еще - ну, словом, поставьте нужные цифры. Поняли? Потом еще напишите, что три самые знаменитые в истории персоны: великий деятель науки Маракот, восходящая звезда по части собирания жуков Хедли и Билл Сканлэн, механик первый сорт, гордость заводов Мерибэнкса - зывают о помощи со дна океана.

Поняли?

- А что дальше?

- Ну, а тогда уже дело за ними. На такой призыв они уж не смогут не отозваться. Все равно, как я читал насчет Стенли, который спасал Ливингстона [Стенли и Ливингстон - известные путешественники по Африке]. Уж это их забота - вытащить нас отсюда или подождать нас на поверхности, если мы ухитримся выпрыгнуть сами.

- Мы можем сами кое-что им предложить, - сказал Маракот. - Пусть спустят сюда глубоководный лот, а мы будем его поджидать. Когда же мы его увидим, мы привяжем к нему письмо и напишем, чтобы они были готовы нас встретить.

- Вот это здорово! - воскликнул Билл Сканлэн. - Лучше не придумаешь.

- А если некая леди пожелает разделить нашу участь, то четверо так же легко поднимутся, как и трое, - произнес Маракот, ехидно посмотрев на меня.

- И пятеро так же легко, как четверо, - прибавил Сканлэн. - Ну, как, вы теперь уразумели, мистер Хедли? Напишите все это, и через полгода мы снова будем гулять по набережной Темзы.

Сейчас мы выпустим два шара в воду, которая для нас все равно что для вас воздух. Шары помчатся вверх. Пропадут ли оба в пути? Все может быть! Или можно надеяться, что хоть один пробьется на поверхность? Поручаем их судьбу счастливому случаю. Если для нашего спасения ничего нельзя предпринять, то хотя бы дайте знать тем, кто нас оплакивает, что мы живы и счастливы. Если же представится случай прийти нам на помощь и для этого найдутся энергия и средства, мы дали вам достаточные указания, чтобы нас можно было спасти.

А пока прощайте, иди, может быть... до свидания?!"

На этом окончились записки, вынутые из стеклянного шара.

Предыдущая часть повествования излагает факты, известные ко дню сдачи рукописи в набор. Когда книга уже находилась в печати, подоспел совершенно неожиданный сенсационный эпилог. Я имею в виду спасение Маракота и его группы паровой яхтой "Марион", снаряженной для этого мистером Фавержером,

и отчет, переданный с яхты по радио и услышанный радиостанцией на островах Кап-де-Верде, которая немедленно передала его дальше - в Европу и Америку. Отчет этот был составлен мистером Кей Осборном, сотрудником агентства Ассошиэйтед Пресс.

Оказалось, что немедленно, после того как в Европе стало известно о несчастье с экспедицией доктора Маракота, началась энергичная организация спасательной экспедиции. Мистер Фавержер великодушно предоставил для нужд экспедиции прекрасную паровую яхту и решил отправиться на ней сам. "Марион" отплыла из Шербурга в июне, захватила в Саутгемптоне мистера Кей Осборна и кинооператора и немедленно направилась к пункту, точно указанному в письме. На место она прибыла 1 июля.

Был спущен глубоководный лот на крепком проволочном канатике, и его медленно повели по дну океана. На конце лота, кроме свинцового груза, была привешена бутылка с письмом внутри. В этом сообщении говорилось:

"Ваш отчет стал известен миру, и мы прибыли спасти вас. Это же сообщение мы посылаем вам и по радио в надежде, что оно тоже дойдет до вас. Мы будем медленно двигаться над вашей пропастью. Вынув это письмо из бутылки, положите на его место ваши инструкции. Мы их выполним в точности".

Два дня медленно и безрезультатно крейсировала "Марион". На третий день спасательную экспедицию ожидал большой сюрприз. В нескольких метрах от корабля из воды выскочил небольшой блестящий шар. Это был стеклянный почтальон, описанный в документе Хедли. Когда шар не без труда был вскрыт, в нем оказалось письмо:

"Благодарим вас, дорогие друзья! Мы очень тронуты вашей добротой и энергией. Мы легко уловили ваши радиопризывы и имеем возможность отвечать вам с помощью шаров. Мы попытались поймать ваш лот, но течение относит его высоко вверх, и он скользит так быстро, а сопротивление среды так велико, что самый проворный из нас не может за ним угнаться. Мы предполагаем назначить свое отплытие отсюда на шесть часов утра завтра, в среду 5 июля, если не ошиблись в вычислениях. Мы отправимся поодиночке, так что замечания и указания, которые возникнут после появления первого из нас,

можно сообщить по радио тем, кто отправится позже. Еще раз сердечно благодарим вас. Маракот, Хедли, Сканлэн".

Дальше рассказывает мистер Кей Осборн:

"Было прекрасное утро. Темно-сапфировое море было спокойно, как озеро, и небосвод не омрачался ни единой тучей. Еще до восхода солнца вся команда "Марион" была на ногах и с живейшим интересом ожидала событий. Когда время стало приближаться к шести часам, общее волнение достигло предела. На сигнальной мачте был помещен особый дозорный, и без пяти шесть мы услышали его крик и увидели, что он указывает на что-то справа от корабля. Мы все столпились у правого борта, и мне удалось забраться на шлюпку, с которой все было прекрасно видно. Сквозь слой прозрачной воды я увидел нечто вроде серебристого пузыря, с большой скоростью поднимавшегося из глубины океана. Он вырвался на поверхность метрах в ста от яхты - красивый, блестящий шар около метра в диаметре, - высоко взлетел на воздух и поплыл по ветру, покачиваясь, как детский воздушный шарик. Это было волшебное зрелище, но оно заронило тревогу в наши сердца: под шаром болтался обрывок веревки, а значит, его груз остался где-то в глубинах океана.

Тотчас же была послана следующая радиограмма:

"Ваш шар вынырнул рядом с судном. Ни в нем, ни под ним ничего не было найдено. Тем не менее мы спускаем лодку, чтобы быть готовыми ко всему".

Вскоре после шести часов раздался новый сигнал дозорного, и через мгновение я снова увидел отливающий серебряным блеском шар, поднимавшийся из глубины, но гораздо медленнее, чем первый. Достигнув поверхности, он слегка поднялся на воздух и приподнял над водой привязанный к нему груз. То была большая пачка книг, бумаг и разнообразных мелких предметов, обернутых в непромокаемую рыбью кожу. Он был доставлен на борт, о его прибытии отправлена радиограмма, а мы с нетерпением стали ожидать следующего посланца.

Ждать пришлось недолго. Опять показался серебристый пузырь, опять он всколыхнул и прорвал гладь океана, но на этот раз поднялся в воздух очень высоко, увлекая за собой, к нашему удивлению, тонкую женскую фигуру. Она медленно опустилась на воду, а через мгновение уже была на борту яхты.

Вокруг стеклянного шара, выше его экватора, было прикреплено кожаное кольцо, от которого свисали длинные ремни, привязанные к широкому кожаному поясу, охватывающему тонкую талию женщины. Выше пояса голова и плечи ее были заключены в оригинальный грушевидный стеклянный колпак, - я называю его стеклянным, но он был из того же легкого упругого материала, похожего на стекло, что и шары. Колпак был совершенно прозрачный, с легкими серебристыми прожилками.

Этот стеклянный колпак с помощью эластичных приспособлений так плотно прилегал к талии и плечам, что вода не могла в него проникнуть, и внутри находились неизвестные нам легкие аппараты, восстанавливавшие запас кислорода, которые уже были описаны мистером Хедли. С некоторым усилием мы сняли колпак и уложили атлантку на палубе. Девушка лежала в глубоком обмороке, но равномерное дыхание внушало надежду, что она скоро оправится от последствий стремительного полета и перемены давления, которая была не так велика благодаря тому, что плотность воздуха внутри колпака была несколько выше, чем в атмосфере, так что можно сказать, что она была примерно такой, как в пунктах, где имеют обыкновение делать передышку ныряльщики. По всей видимости, это была та женщина из Атлантиды, которую Хедли в первом письме называл Моной, и, если судить по ней, атланты действительно прекрасная раса, достойная снова появиться на земле. Она смугла, у нее прекрасные, правильные черты лица, длинные черные волосы и великолепные глаза лани, которые теперь с очаровательным любопытством глядят по сторонам. Морские ракушки и перламутр украшают ее кремовую тунику и блестят в темных волосах. Нельзя представить себе более прекрасной наяды из пучины океана - это само воплощение таинственного очарования моря. Мы видели, как в ее глазах постепенно появлялось сознательное выражение, потом она вскочила на ноги с грацией лани и побежала к борту яхты.

- Сайрес! Сайрес! - кричала она.

Мы уже по радио успокоили тех внизу. И теперь они быстро, один за другим, поднялись из глубины, подпрыгнув на десять-пятнадцать метров в воздух и снова спустившись на воду, откуда их тотчас извлекли. Все трое

были без сознания, а у Сканлэна текла кровь из ушей и из носа, но уже через час все они были в силах подняться на ноги. Мне кажется, что первые движения каждого из них были удивительно характерны. Хохочущая группа увлекла Сканлэна в буфет, откуда и сейчас доносятся веселые возгласы, которые отнюдь не помогают сей радиопередаче. Доктор Маракот схватил пачку бумаг, вытащил тетрадь, исписанную, насколько я могу судить, алгебраическими формулами, и молча пошел в каюту. А Сайрес Хедли бросился к странной девушке и, по последним данным, имеет твердое намерение никогда от нее не отходить.

Таково положение дел, и мы надеемся, что наш радиопередатчик доставит этот отчет станции Кап-де-Верде. Подробности этого удивительного приключения будут сообщены дополнительно теми, кто вырвался из подводной Атлантиды..."